

Константин
Фрес

Дикчемная жена

Хозяйка своей судьбы

Константин Фрес

**Никчемная жена.
Хозяйка своей судьбы**

«Литнет»

2024

Фрес К.

Никчемная жена. Хозяйка своей судьбы / К. Фрес — «Литнет»,
2024

Умерев в своем мире, я попала в тело молодой женщины где-то в дремучем средневековье. Ее муж, распутный барон, промотал ее приданое и свое состояние, и замучил бедняжку до смерти. Нагло притащил в дом любовницу и решил уж на ней жениться! Так что воскрешение меня в теле его жены стало для него неприятным сюрпризом! Чтобы избежать обвинений в убийстве, он гонит меня, больную и слабую, из дома. За бродяжничество и нищенство мне прямая дорога в тюрьму, а оттуда и на виселицу. Так что я возьмусь за любую работу, лишь бы выжить! Выжить и отомстить этому мерзавцу!

Содержание

Глава 1. Ненужная	5
Глава 2. Фальшивые камешки	13
Глава 3. Битва платьев	21
Глава 4. Новая обитель	32
Глава 5. Новый заказ и модный приговор	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1. Ненужная

— Кто это такая?! Что она делает в нашей постели?!

Девушка, устроившаяся на груди моего мужа, молода и хороша собой.

Пышнотелая, белокожая. Дебелая. С роскошными золотисто-рыжими волосами. Они выются кольцами и лежат, как золото, на подушках.

— Колченогая дрянь, — ругается на меня мужчина, поднимаясь. — Какого черта ты вылезла из своей могилы? Сдохнуть — и то нормально не можешь...

Меня же шатает.

Я ухватываюсь побелевшими пальцами за дверной косяк, чтоб не упасть.

Глаза мои застилает болезненный пот.

От слабости и голода кружится голова.

Я ничего не знаю. Ничего.

Помню только, что этот гладкий, холеный, сытый мужчина — мой муж.

Черные волосы, тело, затекшее слоем ровного жира.

Красивое, но немного обрюзгшее лицо.

Как откормленный, ухоженный кабанчик. Добротный, сытый, здоровый и веселый.

Когда-то его звали Красивый Барон...

— Кто это такая? — повторяю я, указывая на девушку.

Рука у меня тонкая, бледная. Как у привидения.

— Моя любовница, — мерзко и прямо заявляет муж. — Нравится? Хороша кобылка. Не то, что ты,дохлая сволочь.

Ужас окатывает меня ледяной волной.

Что чувствуют жены, обнаружившие мужа с любовницей?

Наверное, это. Смертельный холод.

Потому что та часть сердца и души, которая любила, отмирает. И вместо нее образовывается страшная пустота, наполненная смертью и черной всепоглощающей болью.

Ради этой женщины меня уничтожили. Втоптали в грязь. Изломали.

Меня больше нет. Моей личности, моей индивидуальности.

Обменяли на ее сочное тело и яркие волосы.

Задыхаюсь от прикосновения этого гнетущего, испепеляющего одиночества.

Предательство, боль и отчаяние наваливаются на меня.

Я знаю, что никто меня не защитит. Я никому не нужна.

И муж, человек, самый близкий и родной, просто избавляется то меня, как от мусора.

— А я? А как же я...

Она лежит в моей постели... на моем месте, пока я сама, как паршивая собака, корчусь в сыром холодном углу!

На глаза наворачиваются слезы.

— Не твое дело! — рычит этот жирный свин мне в лицо. — Ты какое имеешь право задавать мне вопросы? Это мой дом! Делаю, что хочу!

— Мой поросенок, — тянет капризно девушка. — Это кто? Ты же сказал, что твоя жена умерла?!

Я отшатываюсь, словно мне в грудь вонзили острый клинок.

Умерла...

Да, наверное, так и было.

Потому что я очнулась под лестницей, в темном закутке. На каменном холодном полу.

Сваленная в угол, как ненужный хлам. Как старый строительный мусор.

И кто знает, упала ли я сама, или этот заботливый и добрый муж мне помог.

Угостил парой тумачков, тюкнул в висок, да и оставил там умирать...

— Тощая тварь, — с ненавистью бормочет он. — Каким образом тебе удалось подняться из могилы?.. Черти тебя тащили, что ли?..

Если это сделали черти, то я им очень благодарна. Они ужасно милосердны и не лишены чувства справедливости!

Бить сейчас он меня не станет. Рыжая девица — свидетель.

Если он меня зашибет на ее глазах, рыжая может разболтать.

Такие глупые девицы всегда болтливы.

Может похвастаться подругам, что ради нее Красивый Барон прибил до смерти свою старую жену.

И тогда ему несдобровать.

Поэтому он рычит злобно и отступает от меня.

На девице моя рубашка. Красивая, новая, с яркой вышивкой. Та, которая предназначалась мне на первую брачную ночь, и та, которую я ни разу не успела надеть.

Муж просто разорвал на мне платье и изнасиловал меня в темном пиршественном зале, когда все гости ушли. Жестоко, жадно и грубо. Впрочем, муж ведь не может изнасиловать? Жена ведь ему принадлежит, и он может делать с нею все, что хочет?

...Ее, любовницы, белые пухлые пальчики деловито копаются в шкатулке.

В моей шкатулке! Я привезла ее с собой из отчего дома!

Она выбирает украшения.

Красивое ожерелье из кроваво-красных коралловых бусин уже надето на ее шею. Она подбирает серьги, выпарывая их из моих украшений острыми ноготками.

И меня мутит от того, с каким хозяйским видом она это делает.

— Это моя новая жена! — с ненавистью бросает муж мне в лицо.

— Жена? — шепчу я потрясенно. — А я тогда кто же?..

— Никто! — шипит он, сузив глаза. — Ты здесь никто! Уяснила? Убирайся!

Он зол на меня за то, что я выжила. Это создает для него определенные проблемы, разумеется.

Двоеженство — это серьезное преступление. Если об этом узнают власти, то ему не миновать наказания.

— Я все еще твоя жена, — твердым голосом говорю я, хотя меня буквально шатает от малейшего дуновения ветерка. — И хозяйка этому дому. Ты не можешь...

Мужчина озлился.

— Я не могу?! — прогрохотал он. — Да я все могу! За такой бракованный товар, как ты, я могу и иск предъявить твоему семейству! И вас всех сошлют на каторгу!

— Что?! — шепчу я, захлебываясь слезами. — Что?! Какой товар?..

— Ты сколько в моем доме живешь? — прищурившись, спрашивает он. — Сколько ешь мой хлеб? Третий год? А наследника все нет! Пустая! Пустая!

От него веет жаром здорового тела. Пахнет потом и сытостью. В одежду вьелся аромат еды и вина.

Я же дрожу. Я так слаба и больна, что кровь меня не греет. Кажется, съела бы и черствую, заплесневевшую корку хлеба...

Я вспоминаю, что беременела уже три раза.

Но все оканчивалось одинаково — муж бил меня, сталкивал с лестницы, и беременность оканчивалась выкидышем.

За это он тоже злился именно на меня.

— Хлипкая! Слабая! — орал он. — Подумаешь, пара пощечин! Ишь, нежная какая! На что ты годишься, если такая слабая?!

И, кажется, в этот раз было то же самое. Именно по этой причине я встретила свою смерть под лестницей. Я была в положении. Муж в очередной раз разозлился и избил меня.

— Зачем мне твои тощие, болезненные дети?! — орал он мне вслед.

Мне, корчащейся то боли и теряющей сознание от его тумачков...

...Мну в руках грязную рубашку со следами крови, с ужасом понимая, что этот изверг убил свое очередное дитя.

Мое дитя.

За что мне это?!

Становится нестерпимо жарко и дурно. Но я собираюсь сражаться до конца!

— Я ем свой хлеб, — посмела возразить ему я. — Мое приданое...

Договорить он мне не дал, расхохотался.

— Твое приданое давно исчезло! Нет его! — ответил он мне, отсмеявшись. — Да и что это за приданое такое маленькое, с голубиный клювик? На него даже шлюху добрую не купишь...

— Ты спустил мои деньги на девок, а меня хлебом попрекаешь?!

Кричу, а у самой черно перед глазами.

От ярости.

От омерзения.

Я все еще вижу, как его пышнотелая наглая любовница лежит в моей постели. В моей одежде. Перебирает мои украшения.

И смотрит на меня нагло, посмеиваясь над моим бессилием.

— Поросеночек, гони ее! Гони! — капризно тянет девица, глядя на меня. У нее в глазах издевка. Она смотрит на меня с превосходством. Чувствует свою власть над Красивым Бароном. Поэтому я для нее мусор из-под ног. — Она выглядит какой-то чумной! Вдруг заразная?! А я беременна. Ты же знаешь...

Мои глаза наполняются слезами. Еле дышу от боли, ломающей не только тело, но и душу. Красивый Барон склоняется над своей любовницей, чтобы ее утешить, успокоить.

— Моя сочная баранья ножка, — воркует он, — не бойся. Нашему отпрыску ничего не грозит. Он родится здоровым и сильным!

Ее он бережет...

И ее зреющий плод — тоже.

Даже касается ее тела осторожно. Словно она сделана из сахарной ваты, и любое касание может оставить на ней глубокий непоправимый след...

А я рыдаю в голос, чувствуя себя изломанной и никому не нужной.

— Беременна? — повторяю я за ней потрясенно. — А чем плохи были мои дети?! Чем они виноваты?!

Кричу.

На меня наваливается истерика, сильная и страшная.

Гадкая ухмылочка сползает с лица девицы.

Она испуганно садится в постели. Ее глаза пусты и круглы.

От моих воплей она бледнеет, хватается ртом воздух.

Но ее пугает не мое горе.

Она думает, что я сейчас из последних сил на нее кинусь и растерзаю.

— Уведи ее, пожалуйста! — пронзительно кричит она, и муж ухватывает меня за плечи.

Грубо и больно.

— Чем мои дети были хуже! — кричу я, надрывая сердце. Он силой выпихивает меня вон из спальни. — Чем!

Справиться со мной не составляет ему никакого труда.

Одним тычком он выкидывает меня за дверь, и я бессильно падаю на пол.
— Дохлая стерва!.. — шипит он над моей головой. — Да чтоб тебя... Напугала Мари!
Я утираю мокрое лицо грязной ладонью. Зажимаю рот, чтоб не закричать в голос.
Мари... Как ее зовут, он помнит. Произносит ее имя с трепетом. А мое имя он помнит?
Он не произносил его так давно, что я сама его не помню.
Только «корова», «свинья», «собака» на слуху...
— Чем я виновата, — рыдаю я в отчаянии. — Чем?!
Он брезгливо вытирает руки о рубашку.
На его лице досада.
— Да надоела ты мне! — орет он с остервенением. Будто долго терпел, но теперь его прорвало. — Не люблю я тебя! И никогда не любил!
— Как же так, — шепчу я.
До свадьбы я была красива.
Это я помню отчетливо.
Юная, чистая, полная надежд.
Сейчас же я — грязное, больное создание. Почти сломленное.
Почти — потому что за отчаянием и страхом ощущаю в сердце желание подняться и надавать оплеух этому гнусному чудовищу, травило и убивало меня!
— Зачем же ты женился на мне, — рычу я, стараясь подняться. — Зачем?!
Это мне удается.
Я стою, шатаюсь, гляжу ему в глаза исподлобья. А сама только и думаю о том, что если ухватить его ногтями за лицо и упасть, то можно здорово попортить его красоту.
— Денег с тобой давали много, — цинично и прямо отвечает он, усмехнувшись. — Деньги мне были нужны.
— Но дети... Это ведь были твои дети! Ты же наследника хотел!
Я прижимаю руки к плоскому, худому животу.
Под ладонями мертво.
От этого ощущения меня начинает бить озноб. Холод растекается по больному телу.
— Да ты мне обрыдла настолько, — не выдерживает, срывается на крик он, — что я ненавижу всех твоих выроdkов!
Я больше не плачу.
Все то, что болело, что можно исцелить слезами, умерло во мне.
Осталась только чистая каленая ярость.
— Ты вот что, — грубо произнес муж. — Пока я добрый... убирайся-ка по добру по здорovu.
— Что?!
— Вон пошла, говорю! — кричит он, снова сорвавшись. Его трясет от омерзения. — Грязная замарашка! Вон иди! За ворота! Или я тебе шею сверну!
Он мог бы убить меня.
Он и хотел бы меня убить. Но его дебелая глупая любовница меня видела.
Если он приложит руку к моей смерти, ему несдобровать.
А выгнать прочь больную, еле живую — это выход.
Долго ли я продержусь?
К утру остыну вместе с землей.
Осень меня не пощадит.
Холод и дождь вытянут из меня последнее тепло.
— Не пойду! — уперлась я.
— Пойдешь, тощая корова! — рычит он яростно.
— Нет! — не менее упрямо выдыхаю я.

У меня теперь одна цель — выжить.

Я буду цепляться за любую возможность. За каждый клочок одежды. За кусок еды.

— Голая, — насмешливо выкрикиваю я ему в лицо. — Вот подивится народ, какая баронесса у Красивого Барона! А я всем скажу, кто я. Налево и направо. Может, напоследок пару крестьян сниму? Ну а что. Хочешь себе красивые, крепкие крестьянские рога?

Красивый Барон отшатнулся от меня и даже побледнел. Глядит, как на исчадие ада.

— Ты... — тянет он, а я грубо его перебиваю.

— Юбку дай, — велю, — да платье. Плащ! Голой никуда не пойду.

Оставаться в замке мне нельзя.

Это я четко понимаю.

Слуги меня тут тоже не любят.

Сколько я пролежала под лестницей, истекая кровью? Может, сутки. Может, больше.

И никто не подошел, не поднял. Не увел в спальню.

Сколько раз они равнодушно проходили мимо? Ждали, когда ненавистная, ненужная госпожа перестанет дышать. Плевали с остервенением в мою сторону. Бранились, что все еще жива.

Останься я тут — могли по наущению Красивого Барона мне устроить что-нибудь. Отравить, придушить во сне.

Задымят комнатку, и скажут — задохнулась у камина.

Не-ет, этот дом опасен, как капкан. Оставаться — верная смерть. К вечеру удавят.

Я скрипнула зубами. Ничего-о-о... И это я тоже попомню!

— Марта! — истошно завопил Красивый Барон, подзывая служанку.

Я ее тоже помнила.

Красномордая, с выпученными жидко-голубыми глазами.

Мерзкая, молчаливая, жестокая.

— Где платье госпожи? Подай сюда!

Он сам в нетерпении помчался за ней, лишь бы поскорее от меня избавиться.

А я вдруг ощутила в себе прилив сил.

Распахнула двери спальни и ворвалась туда.

Красивая сочная любовница забилась на постели, заверещала, увидев меня, тощую, серую, страшную.

— Замолчи! — рыкнула я, отнимая у нее шкатулку с драгоценностями.

На себя она нацепляла самое яркое, но и самое дешевое.

Я даже смотреть не стала.

А вот прочее — тонкие золотые колечки, серьги, спутанные цепочки, — выгребла из шкатулки одним махом.

Зажала в кулаке — карманов у меня не было, положить было некуда.

Обернулась к замолкшей девице, скорчившейся в испуге под одеялом.

Шагнула к ней, быстро, страшно.

Ухватила ее за живот... и отпрянула, словно забрав что-то с собой.

Так же, как свои украшения.

— Молчи! — сурово рыкнула я. — Не то и с тебя с собой заберу!

И выскочила вон.

В старом платье, в самой дрянной накидке на плечах, с комком спутанных украшений в кармане я оказалась за воротами замка.

Больная, голодная. Да еще и дождь ливанул, мгновенно промочив меня до костей.

— О, тут бы и правда ноги не протянуть...

Но ярость в моей груди была сильнее болезни и непогоды.

Телу было холодно, а в сердце кипела такая ярость, что я задыхалась.

Я вспомнила, что получила роковую пощечину, которая скинула меня с лестницы.

— Я пожалуюсь королю! — пригрозила я Красивому Барону. — Я расскажу, что ты со мной сделал.

Это и позабавило его, и привело в ярость.

— Да кто пустит к королю такую дохлую падаль, как ты? — закричал он со смехом.

Но в его глазах сверкнул страх.

Такой лютый, что я поняла — вот оно, верное средство.

И мои глаза ответили Барону торжеством.

Наверное, он увидел решимость. И испугался еще больше.

И тогда ударил.

Но было кое-что еще.

Я даже встала столбом посреди дороги, раскрыв рот.

Я вспомнила, что... была еще кем-то.

Не несчастной, обреченной баронессой.

Я жила в ином мире. В ином теле. И весьма преуспевала там.

Слезы навернулись мне на глаза, когда я вспомнила светлую комнату, большой стол с разложенной на нем яркой тканью, приколотые выкройки.

— Да как так можно-то?! — вскричала я, поняв, что это не горячечный бред, а настоящие воспоминания. — За что?! Почему?! Почему именно в этот мир, в это тело, где полно мучений?! Чем я заслужила!?

Я даже разрыдалась от отчаяния.

Бедной юной баронессе не хватало решимости.

Ей надо было идти к королю, когда она еще могла ходить. Когда у нее еще были деньги и верные люди.

Но она из стыда, из кротости и воспитания не решилась.

Я же — я была соткана из упрямства, как мне когда-то говорила мои мать.

Это мое упрямство вело меня по жизни.

Оно против воли родителей заставило меня оставить престижный ВУЗ, и идти учиться на швею. Заняться тем, чем я всегда хотела, наперекор воле родителей!

И добиться успеха на этом поприще меня тоже заставило мое упрямство.

Я была очень востребованной. Признанный мастер. Да ко мне очередь расписана на полгода вперед!

И все это я потеряла, чтоб попасть в это больное тело и отомстить за несчастную, замученную баронессу?!

— Ну, отомщу, — люто рычала я, вся горя от потрясения и ярости, — и что потом? Есть способ вернуться обратно? Вернуть себе свою жизнь? Ну, раз сюда можно, то и обратно наверняка можно тоже?!

Ах, как много вопросов, и как мало ответов!

Например, я напрочь не помнила, как я там умерла. Ведь умерла же, раз душа перепорхнула в тело баронессы?

Помню только этот рабочий стол, залитый солнцем, и вкус кофе на губах, с шоколадной горчинкой.

Это воспоминание навело меня на еще одну мысль — еда. Мне срочно надо поесть. Иначе я не проживу и пары суток.

Ноги сами вынесли меня по дороге в город.

Там был запах жилья. Дома.

Пахло дымом, припрятанным в клетях зверьем — будь то кролики или добрые кабачики, — и немудреной похлебкой.

Я шла, задрав голову, читая вывески.

Одна такая, в форме причудливо закрученного калача, гласила, что в этом доме обогреют и накормят.

Туда я и пошла, дрожа как лист от промозглого холода.

В таверне было жарко, дым стоял коромыслом.

Несмотря на поздний час, веселье не смолкало.

Люди ели, шумно говорили, смеялись, танцевали, дрались.

У жарко пылающего камина собрались недавно пришедшие, отогревались и сушили одежду, травили байки.

Я очень удачно влезла на место отошедшего мужчины, прямо у огня. Блаженное тепло охватило меня, я потянула к огню дрожащие руки.

— Нищим не подаем! — строго рявкнула над моим ухом хозяйка.

Подавать милостыню нищим — это почти преступление. Власти всерьез считали, что нищим может быть только лентяй, не желающий трудиться. И подавать ему — значит, поощрять его лень.

— Я не нищая! — возразила я. — Я заплачу!

На моем тонком, исхудавшем пальце блеснуло толстое золотое обручальное кольцо.

Странно, что о нем Красивый Барон не вспомнил, выгоняя меня, и не отнял.

Хозяйка хмыкнула, глянув на кольцо. Смерила меня взглядом.

— Миску похлебки и комнату на ночь, — оценила она мое золото.

— Но оно стоит дороже! — уперлась я.

— Может, и стоит. А может, ты его укала.

— Оно мое! — возмутилась я.

— Не нравится цена, что я предлагаю — иди, ищи другое место, — отрезала эта суровая женщина и пошла по своим делам.

Да уж, положение... Этак я проживу все мои побрякушки за три дня!

— Я... я мог бы взглянуть, — робко произнес какой-то человек, сидящий прямо у каминной стены.

Он устроился хорошо; привалился спиной прямо к нагретым кирпичам. Пар от его сохнувшей одежды так и валил.

Несомненно, ему было тепло. Но он дрожал как от сильного мороза и все время оглядывался.

Так, словно скрывался от погони. Но при этом умудрялся еще и интересоваться чужими побрякушками!

— Я ювелир, — сообщил он мне. — Я понимаю толк в золоте. Дайте же взглянуть!

Я сняла кольцо и протянула ему на ладони.

Он завертел его в пальцах, рассматривая в свете огня.

— Чистое золото, — пробормотал он. — Стоит, пожалуй, и пять золотых! Я дам два, так и быть.

— У меня еще есть, — оживилась я.

Пара золотых — это намного более выгодное предложение, чем миска еды.

На пару золотых я продержусь долго. Если продам все сразу — может, хватит и на дорогу до короля?

Хотя вряд ли...

— Эй, любезная, — окрепшим голосом крикнула я хозяйке, — давай свою похлебку! Да миску побольше наливай, я голодна!

Пока незнакомец рассматривал мои побрякушки, хозяйка ловко принялась за дело.

Она выудила из кипящего котла добрый кусок мяса и тут же, на огромной разделочной доске, порубила его на мелкие кусочки.

Кости с остатками мяса кинула псу, расположившемуся под стойкой.

Выудила и кусок свиной вареной кожи с прозрачным разварившимся салом, и тоже нарезала его мелкими аккуратными кубиками.

В кипящий густой бульон она покидала заготовленный картофель, порубленную мелко морковь, капустные свежие листы. Помешивая все это огромной поварешкой, сыпала резаное мясо, и снова все перемешала.

Похлебка у нее вышла добрая; ее огромная поварешка торчала из котла, как ложка в каше.

Нож неумоимо стучал по разделочной доске, кроша свежую зелень, лук.

А на огромной черной сковородке, в шкворчащем золотистом сливочном масле, ее помощник-поваренок готовил зажарку, пережаривая до светло-коричневого цвета немного муки.

— Семь золотых, — меж тем прохрипел мой новый знакомец, осмотрев все мои богатства.

— Семь?! Побойтесь бога! Тут вот рубины, а это — сапфир! — возмутилась я.

— Да, да, — ответил он. — Но вряд ли вы сможете доказать, что это все вам принадлежит.

А я даю хорошую цену, учитывая все обстоятельства...

Я только зубами скрипнула то бессилия.

— Давайте, — решительно ответила я.

— Сейчас, сейчас, — он торопливо полез за пазуху.

Кто его знал, чего он так боится. Да только отсчитывая мне деньги — самыми мелкими монетами! — он то и дело оглядывался.

Насчитал увесистый мешочек. Вперемешку серебро и медяки. И даже один золотой!

— Все честно, — бормотал он, жадно пряча мои сережки-колечки-цепочки по карманам. — Все без обмана...

— Эй, там! Твой суп готов! — крикнула мне хозяйка, двинув по стойке чашку и сыпанув в горячую похлебку поверх покрошенной зелени горсть сухарей. — Комнату брать будешь?

— Пожалуй, да, — ответила я.

— Хорошо. Велю приготовить.

Я поспешно накинулась на еду, словно ничего и никогда вкуснее не ела.

Суп и правда был неплох. Сытный, жирный, наваристый. Я ощутила, что острозубый голод отступил уже с пятой ложкой.

Или это у меня желудочек стал такой маленький?..

— Планируете здесь задержаться? — меж тем спросил меня мой нечаянный знакомец. — Или продолжите путь?

Я задумалась на миг.

Вкусная сытная еда, чистая комната с постелью... пожалуй, мне стоит набраться сил.

Деньги теперь есть.

— Задержусь, — честно ответила я.

— О, это хорошо! А могу я вас попросить об одной услуге?!

Об услуге? А что я-то могу сделать для ювелира, человека, с ног до головы набитого деньгами и золотом?!

Глава 2. Фальшивые камешки

— Что вам угодно? — осторожно спросила я.

Странный ювелир занервничал как будто еще больше.

«Уж не украл ли он что-нибудь?» — неприязненно подумала я.

Дальнейшие его действия лишь подтвердили мои самые худшие опасения.

— Я хотел бы, — вкрадчиво произнес он, вытягивая из-за пазухи коробочку, обтянутую линялым розовым шелком, — чтобы вы сохранили это для меня. Мне на пару дней надо отлучиться. А вы, коль уж решили задержаться тут, подождите меня. Вернете это мне, когда я приду.

Коробочка была длинной и плоской.

В таких футлярах обычно хранят драгоценности.

И я уж совсем было решила, что этот проходимец стащил какое-то украшение, и теперь лихорадочно пытается его спрятать.

Но было одно «но».

При ближайшем рассмотрении коробочка оказалась очень и очень дешевой.

Склеена, скорее всего, из толстого картона.

Фальшивая.

— Что это такое? — резко спросила я.

Ювелир как-то резко дернулся. Но тут же взял себя в руки и поспешно отстегнул замочек, демонстрируя мне содержимое.

— Это... подарок, — ответил он нерешительно. — Одной моей юной, очень юной знакомой... Вещь дешевая, фальшивка, подделка. Игрушка для ребенка. Но я обещал его принести, и терять не хочу.

Внутри коробочки, в ложе на грязноватом белом атласе, лежали камни.

Довольно крупные яркие камни, каждый в диаметре примерно пять сантиметров.

Каждый искусно огранен, как бриллиант.

Каждый блестит и переливается, как самая огромная в мире драгоценность.

Пара прозрачных белых, насыщенно-желтый, темно-зеленый, нежно-розовый, лавандовый и синий.

— Будь они настоящими, — произнес ювелир, — им место было в королевской короне. Но они фальшивые. Хорошо ограненные стекляшки, и только.

— И все же они вам дороги? — уточнила я.

Тот пожал плечами.

— Они самое дорогое, что у меня есть, — ответил он. — Ну, так вы возьметесь их сохранить?

И он буквально впихнул мне в руки эти камешки!

Да еще и — вот нахальство! — из кучки меди, оставленной мной за ночлег и суп, ловко выдернул пятак!

— Эй! — возмутилась я. — Это еще что такое?! Просите об услуге, а еще и деньги у меня берете за сохранность ваших стекляшек?! Я у вас, кажется, не покупаю этот товар!

Слово «покупаю» преобразило моего странного знакомого.

Ювелир вдруг обрел уверенность в себе.

Ловко захлопнул картонную крышку, отодвинулся от меня, словно зная меня не знает.

— Верну пятак, когда приду за своей коробкой, — сухо и холодно произнес он, демонстрируя мне монету. — Так они сохраннее будут, не так ли? Вы от них не избавитесь, и в окно не выкинете. Иначе пятака вам не видать.

— Так об услугах не просят! — возмутилась я.

Мне казалось, что он насильно втягивает меня в какую-то опасную авантюру.

Нахально пользуется моей беспомощностью. Тем, что некуда мне идти, некому жаловаться.

Он понял мое бедственное положение.

Знает, что пятак мне дорог. Ведь денег-то у меня в обрез!

Может, увидел тень голодных слез в моих глазах, когда этот пятак отнял.

И понял, что я, отчаявшись, никуда не денусь. Дождусь его. Довольно циничный расчет.

— Заберите вашу коробку! Я согласна не давала! Это стекло не стоит пятак! Эй!

Но он был уже далеко.

Всучив мне эту коробку, он тотчас подскочил на ноги и поспешил прочь из таверны.

Что за странный тип?! Кому нужные его стекляшки?

Куда он направился, раз так боится их потерять?!

Или он просто меня хочет тут задержать, под благовидным предлогом?!

Но зачем?! Он ведь меня даже не знает!

Ограбил буквально, дав треть от стоимости моих побрякушек, навязал стеречь свои бесполезные стекляшки, и удрал!

А пятака было жаль; и пришлось добавить еще один в кучку меди, чтоб расплатиться с хозяйкой.

— Милая, а есть ли в комнате место, где я могла б помыться? — спросила я у нее, пока та пересчитывала и сгребала медяки в карман.

— Помыться? — переспросила она, нахмутив лоб. — Могу велеть туда бочку поставить, и теплой водой ее наполнить. Но это будет стоить дополнительно еще два медных!

Я кивнула:

— И кусок мыла, пожалуйста!

После сытного ужина сил у меня прибавилось. Я ощутила себя немного здоровее, голова прекратила кружиться.

Но с набитым животом мне ужасно захотелось спать.

Веки просто слипались. Не думалось, не было никакого беспокойства.

Только одно желание — упасть тотчас и уснуть.

Но лечь в чистую постель грязной, пропахшей болезнью, я не могла. Сил больше не было дышать запахом болезни и... смерти.

Комната мне досталась отличная, сухая и теплая.

Может, хозяйка меня пожалела, а может, просто так вышло.

По одной стене шла труба из камина, отчего в комнате было тепло, даже жарко.

Я спрятала коробку со стекляшками в постели — а постель была чистая, сухая.

Матрас пышный, хоть и набитый соломой. Еще и пахнет свежим бельем, сушившимся на ветру.

Нет, в такую постель точно не стоит ложиться грязной!

Бочка, обещанная хозяйкой, оказалась маловата.

Ну так что ж! Я все равно в нее влезла и помылась, с удовольствием смывая боль, грязь, кровь с тощих ног.

Промыла обмылком, что дала мне хозяйка, и прочесала спутанные каштановые волосы огрызком гребешка. Сполоснула их, избавляясь от грязи и душного запаха.

Тут же, в бочке с остывающей водой, как следует постирала рубашку со щелоком.

Та была просто серой от многодневной носки, с бурыми неряшливыми пятнами.

Вспоминая их происхождение, я даже губу закусила, чтоб не расплакаться.

Но это не помогло. Слезы сами закапали с ресниц в бочку с водой.

Горе ухватило меня за горло, душа и терзая.

Я с трудом глотала воздух, заливаясь слезами и шоркая изо всех сил ткань. Прочь, прочь, страшные воспоминания!

Не сегодня. Сегодня я должна отдохнуть и набраться сил, хоть немного.

Поплакать можно и завтра.

Или послезавтра.

Но не сейчас, когда здоровье медленно ко мне возвращается.

Свои промокшие вещи и отстиранную рубашечку я устроила около горячей стены, за которой гудело горячее дыхание камина.

А сама, чистенькая и голенькая, скользнула в постель, под тонкое одеяло, и уснула почти тотчас же.

Проснулась я глубоким утром, ближе к обеду.

Чувствовала я себя отдохнувшей и свежей. Уже не кружилась голова, руки и ноги стали сильнее.

С удовольствием надела чистую, хорошо просохшую рубашечку... и испуганно юркнула обратно под одеяло, потому что на дверь мою обрушился град ударов.

Кто-то стучал так, что у меня сердце в пятки ушло.

Как железной дубиной колотил.

Я и ответить не успела, как в мою комнату ворвались какие-то люди.

Все в черном. Черные кожаные одежды, украшенные шипами, заклепками.

Пара мужчин перевернули мои вещи, разыскали мешочек с деньгами.

— Эй, а на что я жить буду?! — хотела выкрикнуть я, но слова застряли у меня в горле от страха.

Так и сидела молча, натянув одеяло до самого носа.

Впрочем, мои деньги они оставили, бросили поверх платья.

Эти гроши вряд ли могли заинтересовать таких важных господ.

— Что тебе дал этот проходимец?

Их главный приблизился ко мне.

Никогда не испытывала таких чувств.

Он был грозен, как стихийное явление. Закрывал свет, как темная грозовая туча. Нес угрозу и ощущение животного ужаса.

И вместе с тем я глаз не могла от него оторвать.

Статный и высокий. Черная кожа его одежд только подчеркивала его широкие плечи, силу его тренированного стройного тела.

Волосы его были прямые, светлые, как серебряная пряжа. Как лунный свет, льющийся с плеча.

Густые, гладко зачесанные назад.

А вот лицо — ужасным.

Нет, я могла бы назвать его привлекательным, но в других условиях. И в другой жизни.

Черты лица его были правильными, нос — острым и прямым. И вообще, все черты тонкие.

Но слишком резкие, почти пугающие.

Губы плотно сжаты и неприятно изогнуты.

И глаз холоден.

Второй был закрыт черной повязкой.

Судя по рассеченным брови и лбу, этот глаз так и вообще отсутствовал.

— Что он тебе дал?! — прогрохотал незнакомец, когда я, засмотревшись на него, слишком затянула паузу. — Хозяйка сказала — вы долго беседовали у огня. О чем?

Я провела ладонью по лицу, прогоняя наваждение.

Вчерашние события воскресли в моей памяти.

— Деньги, — произнесла я голосом, хриплым ото сна.

— Деньги?

— Я продала ему свое обручальное кольцо, — торопливо произнесла я. — Он дал за него пару золотых. Ну, и еще кое-какую мелочь, порванные цепочки, сережки... Нужно же мне на что-то жить!

Грозный незнакомец холодно глянул на меня одним своим глазом, да так, что сердце снова екнуло.

Кто он такой?!

Судя по тому, что он не особо со мной церемонится, не узнав даже моего имени, он либо разбойник, либо слуга короны.

Скорее второе.

Разбойник бы давно выпустил из меня кишки!

И, скорее всего, до того, как потерял глаз, он был ослепительно красив. И тщеславен.

Поэтому уродство так ожесточило его.

Господи, почему я об этом вообще думаю?!

— Он назвался ювелиром, — поспешно продолжила я. — А мне нужна была помощь... Поэтому я с ним заговорила. Клянусь, ничего дурного он не говорил!

— Ювелиром, — процедил одноглазый со злостью. — И это все?

— Все, — подтвердила я.

— Почему я должен верить рассказам бездомной оборванки?

Эти высокомерные слова полоснули по моему самолюбию и гордости словно хлыстом.

— Что!.. — вскричала я, откинув одеяло и собираясь было подскочить на ноги.

Но тотчас вспомнила, что не одета, и ойкнула, снова натянув одеяло до ушей.

Но этого мгновения хватило, чтоб он осмотрел меня с ног до головы, подметив каждую линию моего тела.

На ногах так он и вовсе заострил пристальное внимание. Усмехнулся плотоядно, увидев мои зарозовевшие ото сна голые колени. Стыд-то какой!

В этом мире не принято так запросто раздеваться перед мужчинами.

Оголенный локоть уже будит их воображение и распаляет.

А тут — колени!

— Я не оборванка, — тихо запротестовала я. — Я жена Красивого Барона!

— Баронесса? — лицо одноглазого исказилось в неприятной усмешке. — Ты из благородных?

Он неспешно стащил с руки черную перчатку, шагнул ко мне и бесцеремонно поднял мое лицо к своему.

Меня словно морозом опахнуло.

А страшно было — словно я смотрю в рычащую драконью морду.

Рука его была горячей, и касался он, несмотря на резкость своих слов, на удивление аккуратно.

— Благородная, — процедил он, как следует рассмотрев меня своим единственным светлым глазом. — Что же ты тут делаешь, жена Красивого Барона?

Я опустила стыдливо взгляд.

— То, что делают ненужные, брошенные жены, — ответила я. — Выживаю. И иду к королю пожаловаться на мужа.

— Забудь об этом, — рыкнул одноглазый, оттолкнув меня от себя.

Его осторожность сменилась на жестокую грубость мгновенно. Он словно взорвался раздражением и злостью.

— Король не принимает кого попало. Даже баронесс, если они похожи на бездомных нищенок. А это так и есть. И по твоей шейке плачет топор или веревка за бродяжничество.

Внутри у меня все похолодело.

— Но как мне жить?! — воскликнула я. — Разве это справедливо?! Я не бездомная, у меня есть дом! Но меня оттуда выгнали! Разве я в том виновата!?

Одноглазый смолчал.

— Найди себе работу, — злобно проворчал он. — И как можно скорее. Денег у тебя немного. Когда они кончатся, тебя вышвырнут отсюда, а городская стража подберет и определит в тюрьму. Так что поторопись, баронесса.

И он, круто развернувшись, вышел прочь.

И его люди последовали за ним.

И только когда они ушли, меня как холодной водой окатило!

«Что он дал тебе?»

Спросонья я забыла о коробке с разноцветными стекляшками!

А одноглазый, засмотревшись на мои коленки, позабыл обыскать мою постель! Я же в постель их вчера сунула!

Коробка оказалась под подушкой, целая и невредимая.

Я открыла ее, все еще надеясь, что вчерашняя встреча мне всего лишь приснилась. Привиделась в горячке.

Но нет.

Солнце заиграло на разноцветных гранях, и я с удивлением отметила, что камни как будто бы стали ярче и красивее. Будто в них вдохнули силу, жизнь.

«Да просто с утра свет ярче», — подумала я и зябко передернула плечами.

Но рука сама тянулась погладить сверкающие грани. Блеск этих камешков завораживал меня.

— Нет, с ними что-то не так, — бормотала я, вертя в руках безделушки. — Иначе б этот одноглазый не охотился за ними. И ювелир-мошенник не пытался б от них избавиться.

Я вертела камни и так, и этак.

Любовалась нежным розовым и лавандовым, перекатывала на ладони прозрачные бесцветные.

Мне казалось, что с ними можно было проиграть весь день, так завораживало их сияние. Я как будто начала снова засыпать. Мысли потекли ровно и спокойно. И гнетущее напряжение ушло.

Меня предупредили о том, что к королю лучше не соваться — что ж, спасибо за совет!

— Найти работу, — бормотала я задумчиво, глядя на вспыхивающий в моих руках камешек. — Было б неплохо найти работу... хорошую, денежную работу...

Я подумала о метрах нарядной ткани. Точнее, этот образ вспыхнул в моей голове. То ли воспоминание, то ли мечта.

Лекало, острые ножницы, их серебристый стрекот, вспыхивающая на солнце игла...

— Да, было б неплохо шить, — пробормотала я. — Красивые платья, из хороших тканей... Богатым заказчицам. Держу пари, никто из местных портних не сможет со мной тягаться в мастерстве. Если, конечно, я отыщу в этом мире швейную машинку, нитки и сантиметровую ленту!

За дверями снова раздалась какая-то возня, и я стряхнула с себя странное оцепенение.

Словно проснулась.

Поспешила убрать коробку поглубже под одежду, еще дальше, чем заветный узелок с деньгами, встала и поскорее оделась.

В таверне все было вверх дном.

Перепуганная хозяйка со служанками собирали раскиданные стулья и лавки. Где-то со звоном сметали битую посуду.

Черные стражники тщательно обыскали всю таверну, перевернули все, особо не церемонясь.

Отчего же со мной были более чем гуманны?

И даже из постели меня не вытряхнули?!

— Вот, значит, как, — произнесла я, оглядывая разгром, учиненный страшными черными людьми.

Ничего особенного я в виду не имела. Но хозяйка восприняла мои слова на свой счет.

Руки ее задрожали, она выпустила крепкий табурет, и тот с грохотом ударился об пол.

— Да я ничего дурного не хотела! — пронзительно вскрикнула она. — Я не доносчица! Но они спросили про этого, в шляпе... и мне пришлось, пришлось указать на тебя, сестрица! Ей-богу, я лишнего не говорила! Тебя не оговаривала! Ну, спросили они, с кем он беседовал, так разве ж им можно не ответить?!

Я молча смотрела на нее.

— Ну, а раз они тебя не забрали, значит, ничего дурного в беседе той не было, — наивно продолжала выкручиваться хозяйка. Ей было и стыдно, что она натравила на меня страшных стражей, и страшно. — И я ничего дурного не сказала, ни полсловечка от себя не прибавила!

— Не прибавила? — уточнила я.

Хозяйка покраснела, на ее пунцовых щеках от волнения пошли белые пятна.

— Но ведь он и правда дал тебе что-то! — выкрикнула она, защищаясь. — Я видела! Такое... сверкающее! Огонь живо блестел у вас меж пальцев. Я подумала — сокровища! Награбленное делите!

Я так и ахнула!

— Ты с ума сошла, сестрица?! — воскликнула я, негодуя. — Ты же мне смертный приговор выписала! Сверкающее, награбленное?!

— Но ведь они не взяли тебя! Не взяли! Значит, ничего дурного... и ничего награбленного... А что проверили твою комнату — так от тебя не ubyло!

Я жала раскалывающуюся от боли голову руками.

Мысли мои метались, как ошалелые.

Как вовремя я смутила этого одноглазого своими коленками!

Да так смутила, что он позабыл мою койку обыскать!

Нет, в самом деле, почему он не стал этого делать?

Это мне так повезло, или он не поверил в болтовню перепуганной толстухи? Не стал искать украденное — так что же они искали, эти черные стражники?

А нашли бы эти камни, что странный ювелир всучил, что бы мне было?!

Ведь черные люди их искали.

Я это нутром чуяла.

Даже в печь хозяйкину залезли и выгребли оттуда всю золу. А вот мой матрас не пощупали...

— Ну, говори! — прикрикнула я на хозяйку. — Кто эти люди, и что им было нужно?

Толстуха молчала, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Говори! — грозно повторила я. — Или сейчас выйду отсюда и по всему городу расстреплю, что ты доносчица! Как думаешь, сколько людей к тебе придет на ужин, а? В три дня разоришься!

Это была серьезная угроза. Если в городе узнают, что хозяйка заведения оговаривает невинных посетителей просто так, или в угоду себе, ей и таверну могли поджечь.

И саму тихонько вздёрнуть в горящем зале, как свиной окорок в копильне.

И хозяйка тотчас затараторила, сверкая на меня злыми глазами:

— Кто ж не знает капитана Эдмона Тиля, начальника городской стражи, и его команду! Видно, ты или без памяти, или врешь!

— Или из замка, — отрезала я, — куда этого Тиля никогда не пускали!

Однако, странно.

Капитан стражи? Всего лишь?

А я могла поклясться, что он родовит. Тоже из благородных...

Уж слишком породистые черты лица, красивая форма рук...

Да и сам слишком хорошо сложен, чтобы быть потомком лавочников или крестьян. Нет, он не носил в юности тяжестей, и руки его не знали ни плуга, ни гончарного дела.

— Так что хотел капитан Тиль?

— Говорю же, искал этого, в шляпе! С которым ты у камина шушукалась! Спрашивал, не пытался ли он кому-то что-то передать. Спрашивал, не происходило ли что-то странное или подозрительное после его появления!

— Да что странного могло произойти?

— Тиль не сказал. Просто улыбнулся, — хозяйка передернула зябко плечами. — Как будто сейчас вцепится зубами и кожу заживо сорвет! И со смехом так говорит: «Коровы по небу не летали?». Я и говорю ему: «Да никаких коров не было, о чем это вы?».

— Чушь какая, — удивилась я.

— Вот и я говорю — чушь! — подхватила с готовностью хозяйка. — Тогда он уточнил, где ты остановилась, и сам пошел посмотреть, что он там тебе передал!

Тут хозяйка стрельнула глазами по сторонам и интимно мне доложила:

— Поговаривают, этот проходимец украл какие-то артефакты!

— Украл?! — ахнула я.

— Ну, или выманил обманом. Я слышала от этого Тиля, когда он беседовал с солдатней, что они очень сильные, эти артефакты. Но работать будут только если их честно купить. Но у кого ж будет столько денег, чтоб их честно взять?! А они все-все могут! И защитит хозяина им раз плюнуть!

«Пятачок! — ухнуло у меня в голове. Кровь отлила от щек. Стало холодно. — Вот зачем он взял пятак! Я их, получается, честно купила?! Вот почему Тиль не стал меня обыскивать. Узелок с грошами, на которые и домишко захудалый не купишь, сама тощая, еле живая — я просто не похожа на покупательницу могущественных артефактов! Да и сами камешки могли меня сберечь от его пристального внимания...»

— Так а смысл продавать их, если они такие всесильные? — удивилась я.

— Так перестают работать! — с жаром ответила хозяйка. — Когда выпросишь у них все, что только можно, они потухают! Остается только продать, чтоб в других руках они снова стали волшебными!

«Ах, вот зачем он ушел... и обещал вернуть пятак — он на мой же пятак собирался их у меня купить обратно! Жадный... Хитер, жук!»

— Ах, сестрица, — меж тем робко продолжила толстая хозяйка, — вот было б здорово, если б он правда передал тебе эти артефакты! Я б у тебя их купила... дорого! Пожалуй, и таверну б отдала! Ну, или, если не хочешь таверну — а с ней и правда много хлопот, — я б тебя в долю взяла. Лишь бы ты пару моих желаний помогла осуществить!

— Не говори глупостей, — отрезала я сурово. — Не у меня ничего!

По лицу хозяйки таверны было понятно, что она не верит мне ни на грош.

— Да и управлять такими артефактами ты разве умеешь? Как им загадывать, знаешь?

— И то верно. Необразованная я, — скисла толстуха. — Где уж мне... Но ты-то наверняка можешь, не так ли?

— Нет у меня ничего, — повторила я и направилась к дверям.

Хозяйка кинулась вслед за мной:

— Стой! Ты куда?!

— Подальше то тебя, — насмешливо хмыкнула я. — Не то снова оговоришь меня. От таких, как ты подальше держаться надо!

— Да не буду я больше! Не буду! — верещала толстуха, не поспевая за мной.

Но я уже не слушала ее.

В кармане у меня было несколько мает, значит, вечером я смогу найти ужин и приют.

А пока неплохо было б поискать работу.

Глава 3. Битва платьев

Как управлять могущественными артефактами?

Я не знала.

Шагая по туманному городу, я сто тысяч раз с яростью представляла, как с неба на мостовую передо мной падает Красивый Барон. Разбивается в лепешку, как пересевшая слива.

Но ничего не происходило.

Я твердила об этом своем желании снова и снова, с жаром и яростью, но Барон все не падал.

Значит, это не так работает. Если работает вообще.

В конце концов, кто сказал, что эти камешки в потрепанной розовой коробке — волшебные? Болтушка-толстуха? Да она врёт на ходу, особо не задумываясь. Могла насочинять. Ей верить вообще нельзя!

А если эти камни и правда волшебные, то, может, у них свои правила есть? Как с лампой Алладина?

— Нельзя убивать, нельзя воскрешать умерших, — процитировала я знакомое с детства правило.

Но догадки мои тоже не привели ни к какому результату. Как бы я не загадывала желания, как бы я их не формулировала, они не сбывались.

Вот тебе и магические артефакты...

Словом, когда я дошла до базара, я окончательно разуверилась в магических способностях красивых стекляшек.

Мечтать о волшебном решении моих проблем было некогда. Надо было становиться на ноги и поменьше витать в облаках!

У базарной площади самая бойкая торговля.

Самые дорогие лавки и мастерские.

Швейная, разумеется, тоже была.

Красивая вывеска, стеклянная витрина, за которой — вот же чудо! — на манекенах, набитых соломой, были выставлены несколько платьев, довольно неплохо пошитых...

И грохот и гром внутри.

Кто-то ругался, кто-то выл тонким голосом на одной ноте.

Я даже оробела и уж было хотела развернуться и бежать отсюда.

Но вовремя взяла себя в руки и уверенно поднялась по ступенькам.

За дверями лавки разыгрывалась целая трагедия.

Посередине лавки стоял манекен, облаченный в платье — я так понимаю, в недошитое.

Одна работница истошно выла, сидя прямо на полу. А хозяйка с видом убийцы гонялась за второй работницей, дородной краснолицей женщиной. Очень верткой и шустрой, несмотря на габариты.

— Ты уволена, мерзавка! — кричала хозяйка лавки, тощая женщина в хорошо пошитом платье. Оно было простое, но не лишено некоторой элегантности даже. А на ногах этой почтенной дамы были надеты полосатые, очень добротные чулки и крепкие башмаки. Очень модно.

— Нет, ты убита! Я убью тебя, мерзавка! — вопила она, не прекращая своих попыток вонзить в краснолицую портновские ножницы.

— Вы обещали уволить ее месяц назад! — рыдала сидящая на полу. — И не сделали этого! И вот что она натворила!

Бегающие умаялись, запыхались и остановились. Краснолицая буквально-таки повисла на манекене, обхватив его пухлыми руками. От нее разлило винным перегаром.

— Сударыня, — робко позвала я, обращаясь к хозяйке. — Я хотела бы устроиться на работу... возможно это?

— Еще одна, — устало произнесла хозяйка. — Работница... достаточно с меня работниц, помощниц, мастериц! Вы любите только деньги! А положиться на вас нельзя! Вон!

Красномордая вздрогнула и испустила еще одно облако сивушных паров.

Я испуганно глянула на платье на манекене, из-за которого разгорелся сыр-бор.

Оно было пошито из замечательной, прекрасной, очень хорошей ткани.

Нежно-лавандовое, с тонким рисунком розового цвета.

Как лепестки гладиолуса с розовыми прожилками. Такое светлое, и чуть затемненное в складках.

Юбка была выполнена неплохо. Насборена где надо, где надо приподнята.

А вот с корсажем дело обстояло из рук вон плохо.

— Отдавать скоро, — выла работница, сидя на полу. — А теперь мы вместо денег остаемся на улице!

— Вон! — снова выдохнула портниха, ткнув в краснорожую ножницами.

Корсаж был странно перекособожен.

Его словно пожевали и выплюнули, неловко пристроив на место.

Детские аппликации из цветной бумаги выглядят так же нелепо и косо-криво, как этот предмет гардероба, уныло висящий на манекене.

— Ты разорила меня! — с ненавистью выдохнула портниха притихшей и испуганной краснорожей. — Ты!.. Ты знаешь, сколько это стоит?!

— Мы все пойдем побираться, когда госпожа графиня потребует назад свои деньги! — выла сидящая на полу помощница.

Краснорожая и сама была не рада. Она тоже рыдала, но тихо. Лишь носом швыркала.

— Бес попутал, — бормотала она. — Это все рыжая! Любовница Красивого Барона! Она сказала, всего по кружечке, ну я и... эх!

— Нечего связываться со всякой швалью! — взревела портниха яростно. — Ты же знаешь что рыжая собирается всех затмить на предстоящем приеме! Она вообще могла напоить тебя, бросить в пивнушке спать и сюда пробраться, чтоб изрезать все платья в мастерской!

Упоминание рыжей любовницы моего мужа подействовало на меня так же, как звук трубы на кавалерийскую лошадь.

— Я могу все исправить! — заорала я, как одержимая.

От крика, наверное, у меня даже глаза покраснели.

И трое спорщиц тотчас затихли.

— Можешь? — произнесла швея, оборачиваясь ко мне.

Ее лицо тоже было красным и мокрым от слез.

От переживаний ее просто шатало.

— Я сделаю, если возьмете меня на работу! — твердо пообещала я.

— Да не из чего делать, — развела руками хозяйка. — Эта дура перепортила все. Какие-то клочки остались...

— Я перекрою! — я пости кричала от отчаяния.

Платье, если б оно удалось у горе-швей, было б прекрасным.

Не зря же на него купили эту дорогую, нет, драгоценную ткань!

И упомянутая графиня была бы в нем просто неотразимой, такой, что рыжая гадина, которая так мерзко мне улыбалась из моей постели, просто позеленела б от зависти.

— Мне только будут нужны нитки, ленты, шнурки, — смелее промолвила я. — Чтобы как-то... Есть у вас ленты?

— Да бери все, — буркнула хозяйка лавки, утирая мокрое лицо ладонью. — Все равно завтра это все будет неважно... Мастер Тиль из нас душу вытряхнет и подвесит за ноги на площади, как воровок.

— Тиль? Эдмон Тиль? — переспросила я.

— Как будто в этом проклятом богом городе есть еще один душегуб с таким же именем! — усмехнулась хозяйка. — Ну, чего встала? Проходи. Комнаты мастерской там. Лавку я закрою, можешь работать спокойно. А мы пойдем, выпьем. Недолго нам осталось, да, Герти?

Она обернулась к краснорожей.

Та так и завывала, как голодная собака.

— Я говорила тебе Герти, я тебя предупреждала! — горько прошептала хозяйка мастерской. — Я тебе говорила, что однажды ты погубишь нас. И что же?

— Я не хотела, я не думала! — скулила краснорожая Герти, затыкая рот фартуком.

Видимо, чтобы никто не слышал ее рыданий.

— Я попрошу у мастера Тиля, чтобы он подвесил тебя за ноги первую, — тихо произнесла хозяйка, приглаживая растрепавшиеся волосы. — Хотя твои крики будут мне утешением за все твои гадости!

Она ушла, тихо и как-то мертвенно-спокойно.

Словно смирилась с самым неизбежным и с самым плохим.

А помощницы ее с одержимой надеждой уставились на меня.

— Пожалуйста, пожалуйста! — молила та, что сидела на полу.

Она была совсем молоденькой. Моложе меня. Девчонка.

Конечно, в таком возрасте совсем не хочется висеть кверху ногами.

— Идемте, покажете мне вашу мастерскую! — решительно произнесла я.

Несчастный испорченный корсаж я с манекена сняла и отнесла на стол.

Странное дело, но мне показалось, что я где-то уже видела все это?..

Ах, да. В моем видении-мечте. Даже цвет ткани был точно такой, какой я придумала. Мечтам ведь свойственно сбываться?

Но мне некогда было удивляться этому совпадению. Надо было быстро исправлять платье.

— Жаль, не снять мерки с заказчицы, — пробормотала я.

— А манекен на что? — удивилась девчонка, утирая покрасневший нос.

— А что манекен?

— Но это же точная копия фигуры графини! — с гордостью ответила она. — Его изготавливали целый месяц! Точили из дерева, потом склеивали, а потом обтянули тканью. Смотрите, какая талия! Госпожа графиня очень ею гордится.

— О-о, какая удача! — всплеснула я руками. — Неподвижный заказчик в моем распоряжении! Это чудесно! Что ж, о большем и мечтать грешно, приступим.

Перво-наперво я безжалостно распорол никчемное изделие.

Да, да.

Даже те сшитые части, которые вроде как ничего были пошиты.

Отпорол тонкую подкладку из шелковистой ткан, похожей на ситец.

Спорол кое-как прилаженные ленты, скрывающие толстенный, как колбаса, некрасивый шов.

— Ужас! — только и могла сказать я, глянув на Герти.

Та очень сильно сконфузилась и опустила взгляд.

— Вы что, руки вытирали этим платьем? — ужаснулась я, обнаружив на корсаже пару жирных, немного черных пятен. Словно платьем небрежно смахнули золу с каминной решетки.

Герти что-то пробормотала, а я лишь покачала головой, продолжая дальше нещадно вспарывать ее кривые, косые швы.

Пьяная Герти шила вручную — довольно странно, если учесть, что в мастерской была отличная ножная швейная машинка.

Ухоженная, смазанная, с блестящим колесом привода и с крепким ремнем.

Пожалуй, немного громоздкая.

Я на такой точно никогда не шила.

И, глядя на кованную черную педаль, я здорово засомневалась, смогу ли я привести ее в движение.

С другой стороны, если такая тощая женщина, как хозяйка мастерской могла, то я уж точно справлюсь.

Но машинка совершенно точно была в рабочем состоянии.

— Не умеешь ею пользоваться? — кивнула я на машинку. Герти покраснела:

— Да там больно путанно нитку вставлять... Мадам сама на ней шьет.

— Как же вышло, что он тебе доверила шить это платье, а не сама взялась?

— Герти хорошо шьет, — вступилась за нее девчонка. — Когда не пьет, конечно. Кто же знал, что на этот раз она вздумает как следует напиться.

Я только кивнула.

— Ладно, хорошо, — передо мной лежали распушенные куски единого целого. Выкроенные косо и криво. И как попало. И разной длины! — Это надо постирать. Сейчас же. Не то мы ничего не сошьем из ткани, в которую заворачивали свиную отбивную, только что с углей.

— Потечет краска! — ахнула девчонка.

— Добавим в воду уксуса, — ответила я. — И не потечет. Ну, живо!

С превеликой осторожностью мы застирали несколько лоскутов.

Старались смыть сажу и жир, не повредив рисунка и цвета.

Потом полоскали в проточной воде, и, как будто бы, все удалось. Чудовищная грязь была смыта с нарядной ткани.

Сушиться ткань повесили на веревке, в сухом углу.

А я, вооружившись сантиметровой лентой, подступила к манекену и принялась измерять его и записывать на столе мелом параметры.

Основной проблемой этого платья было то, что половина корсажа была выкроена немного короче, чем вторая половина.

Словно Герти хлебнула как следует и смело отхватила ножницами добрую треть лифа.

Вторая проблема обнаружилась после высыхания ткани.

Центральный клин пострадал от наших манипуляций больше всего. Именно об него Герти вытерла свои руки.

Да, мы отмыли с него сажу, но и отбелили порядком.

— Заметно будет, — убито прошептала девчонка. — Полиняло... О, как расвиореет графиня! Она нас просто уничтожит!

— А она что, молода, красива? — спросила я.

Девчонка дернула плечом.

— Да не очень-то молода, — ответила она. — И не сильно-то красива. Но полагает себя таковой.

— Значит, не будем ее разочаровывать, — твердо ответила я. — Герти, нагрей-ка утюг! Да не перегрей. Не хватало нам еще сжечь тут все...

Герти расторопно ухватила маленький, но увесистый утюг и сунула его в горячие камни в печи.

Этим утюгом, через тонкую подкладку, я потом старательно отпарила подсохшую ткань корсажа.

Получились аккуратные обрезаки.

На них-то я вычертила новую, более точную выкройку.

Мне пришлось чуточку занизить декольте, сделав вырез глубже. Только так было возможно сровнять две неравных части корсажа.

Боюсь, грудь госпожи графини после этого будет общественным достоянием. Но что делать!

На линиялый клин спереди пришлось наложить широкую ленту кружева.

Мои помощницы только руками всплеснули — так дорог был этот штрих! Но что делать, что делать...

Герти, пытаясь реабилитироваться, раскроила ткань для новой подкладки и даже уселась ее сшивать.

— Думаю, а машинке будет быстрее, — заметила я.

Герти с изумлением вылипла на меня.

— А ты умеешь?..

— Ну, конечно. Лучше подбери мне нитки в тон.

Зарядить машинку было делом плевым. Но вот шить на ней... признаться, я испытывала некоторую робость. Это как всю жизнь водить малолитражку, а потом вдруг пересестись в танк.

Машинка казалась мне просто огромной, неповоротливой, солидной.

Но в обращении этот «танк» оказался покладистым и простым.

Я протянула нить быстро, тронула колесо, пробуя, как машинка работает.

— Все как будто бы хорошо, — произнесла я, сделав пробную строчку на каком-то клочке. — А ну, дай подклад!

Его я сшила чуть не в пять минут, ловко подгибая ткань и проутюживая каждую строчку.

Обожаю запах нагретой ткани! Это, наверное, самый лучший запах на свете. Запах новизны и предвкушения какого-то чуда.

Подклад был готов, отглажен, и лежал, как белоснежный праздничный пирог на столе.

Герти даже погладила его рукой, не веря своим глазам.

— Несите-как те лоскутки, что остались! — скомандовала я. — Попробуем сшить петли для пуговиц.

— Петли? — изумилась Герти.

Я так поняла, что шнурки шить она не умела. Такую сложную и тонкую работу делала сама хозяйка. И странно было ей узнать, что какая-то девица с улицы умеет делать такое!

А я шнуры шить любила.

Несмотря на тонкость и кропотливость работы.

Там только знай, следи за строчкой, и подворачивай вовремя.

Я сшила, наверное, метра три тонюсенького шнура, пока Герти с девчонкой подбирали в шкапулке аметистовые пуговицы для корсажа.

Разделив шнур на мелкие кусочки, я пристроила его петлями на подкладку, и приступила собирать лицевую сторону корсажа.

Тут уж пришлось повозиться!

Стираная ткань немного посыпалась, да и кружево, вырезанное по форме центрального клина, хотело расползтись.

Но я справилась при помощи иголки, утюга и терпения.

Швы вышли очень аккуратные, ровные, идеально отглаженные. Не то, что пьяные зигзаги Герти.

И перед платья с кружевом хорошо выглядел. Словно графине сама зима в грудь дохнула, разукрасив ее морозными узорами. Тонко, изысканно, со вкусом.

— Спасены! — заверещала девчонка, скача, как только увидела готовый корсаж, аккуратно и ладно натянутый на манекен.

Герти просидела с ним всю ночь, прихлебывая из бутылки и шурясь от слишком тусклого света свечи.

Вот откуда пятна — воск накапал!

— Погоди радоваться, — пробурчала я, приглаживая ткань по талии манекена и припиливая булавками подклад к лицевой части. — С грудью надо что-то решить.

Ах, эта грудь!

Она шаловливо выглядывала из платья. И если манекен стоял неподвижно, то графиня наверняка делать этого не будет.

Она, наверное, танцевать пойдет.

И при первом же поклоне кавалеру она вывалит все свои богатства ему на обозрение.

Герти бестолково и отчаянно перебирала лоскутки, оставшиеся от платья.

Но они были слишком малы, да еще и крошились, распадались на нитки от частого пребывания в руках швей. Так что приладить их, чтоб спасти честь графини, не выйдет.

Конечно, можно плюнуть на мучения графини и предоставить ей самой разбираться со своими титками.

Но для меня сшить это платье на отлично было делом чести!

Я просто зубами скрежетала, представляя, как рыжая пассия моего муженька подавится чем-нибудь за праздничным столом, увидев графиню, разодетую в пух и прах!

Рыжая явно хочет быть принята в высшем свете.

Она наверняка решила всех покорить своей красотой.

Что уж, было чем покорять. Она молодая, сочная, белокожая...

Скорее всего, нацепит какое-нибудь мое платье. Например, красное, с золотой вышивкой. Дорого, богато. И ей пойдет, к ее-то рыжим локонам.

Значит, надо придумать нечто такое, чтоб даже красное платье померкло в сравнении с нашим шедевром!

— Нет, само по себе то, что грудь видно, уже необычно, — пролепетала девчонка, разглядывая вопиющий вырез.

Вопиющий!

Если бы я, еще будучи женой Красивого Барона, осмелилась надеть такое, он бы дал мне такую затрепину, что я на месте б очурилась.

— Нет, это не годится! — воспротивилась я. — Надо надставить что-то... почти на целую ладонь!

— Но что? — провинившаяся Герти развела руками.

Втихушку, пока мы с девчонкой пришивали пуговицы, она собрала все лоскутки, перестирала и выгладила их.

Их было много.

Так много, что графиню можно было б зашить в платье по самую шею.

Но они были такие крохотные...

За окном потемнело. Я и не заметила, как мы провозились целый день!

В животе бурчало, и Герти помчалась на базар, купить нам хотя б по пирожку. А мы с девчонкой принялись ворошить запасы портнихи, перебирая красивые золотые шнуры, ленты, тафту.

Но ничего не подходило. Ни по цвету, ни по рисунку.

Вообще не по чему!

— Это потому, что ткань совершенно необычная! — страдала девчонка. — Ее специально для графини купили и привезли. И все в огромной тайне! Графиня так всех хотела поразить!

— Что ж, если у нее на балу грудь вывалится из платья, ей это определено удастся, — заметила я.

В отчаянии я сшила все лоскутки в ленту, стараясь подогнать рисунок.

Ну, сшила и сшила. Вышла лента чуть меньше десяти сантиметров шириной. И что дальше?

Ее как раз хватило бы. Но эти швы на самом видном месте?! Пусть даже заутюженные, но их все равно видно!

Прибежала Герти с вытаращенными глазами.

Кажется, она из всех сил надеялась, что явится как раз к готовому решению. А потому в руках ее были не только пироги, но и баклажка с горячительным.

— Ну, Герти! — укоризненно протянула девчонка.

— Да нам не повредит, — наивно выкручивалась та. — Глоточек доброго красного вина, и мозги на место встанут!

Видимо, сама она маялась от похмелья. Она и так мужественно продержалась целый день, но к вечеру и ее чувство вины истаяло, как свечи в фонарях.

— Теперь-то точно нечего терять, — произнесла я устало. — Да и пить я хочу. Дай-ка глотнуть, Герти, из твоей баклажки!

Усевшись рядком прямо на пол, перед злополучным платьем, мы поглощали пироги, запивая их красным вином, густым, как кровь, и молча гипнотизировали его.

— Может, воротник пришить? — вдруг выдала Герти. Мы с девчонкой уставились на нее как на чудо. А та оживилась. — Да, да! Вот смотрите. Если взять эту ленту и тут насборить...

— Не лапай жирными руками! — рявкнула девчонка. Герти отпрянула от платья и машинально вытерла руки об себя. — Я не собираюсь снова это все перестирывать!

— Загладить и застрочить три складки, — машинально поправила я Герти, рассматривая предложенное ею решение.

Герти радостно кивнула, ободренная моей поддержкой.

— А вот тут, к плечу, поуже пустить, — продолжала она, раскладывая на манекене ленту, — а воротник сделать из кружева... А-а-а!

Тут она вытаращила глаза, и я мгновенно поняла, зачем Герти в подвыпившем состоянии безжалостно изрезала ткань.

— Ты хотела нарочно вшить такую вот вставку? Сделать так, чтоб дама могла распускать эти пуговицы... в нужный момент, скажем так?

Герти снова закивала.

— Это мне пришло на ум после, — созналась она. — Я уже все сшила, как вдруг озарение! Как молния! А шить-то больше не из чего...

— И ты решила отрезать по кусочку от лифа, — подвела итог я. — Не самое лучшее решение.

А что, очень удобно.

И приличия соблюдены, и платье украшено красивым кружевом. И дама, вздумав очаровать кавалера, всего лишь расстегивала пуговку на груди. И все ее достоинства сразу становились для избранника очевидны!

— Чего? — не поняла девчонка.

А я-то прекрасно поняла!

— Герти, да ты модельер! — восхитилась я. — Это новое слово в современной моде!

— Ага, — ядовито поддакнула девчонка. — Только этого слова не разобрать, когда она ворочает своим пьяным языком!

Но ссориться нам было некогда.

За окнами был уже глубокий вечер, а нам предстояло привести платье в приличный вид.

Пока девчонка искала подходящее кружево, аккуратно перебирая запасы хозяйки, мы с Герти воплощали в жизнь ее смелый дизайнерский план.

— Герти, если б ты не напилась и не изрезала б все, хозяйка была бы тобой сегодня очень довольна! — сказала я. — Это действительно очень интересное решение!

Ох, как мы колдовали, чтоб спрятать швы в складках!

Как мы тщательно отглаживали эту ленту, что постепенно превращалась в некое подобие лифа!

Насборенная часть по задумке Герти должна была добавить объема небогатой груди графини. Так и вышло — на манекене оно выглядело просто чудесно.

Меж тем девчонка разыскала нужный воротник.

Он был огромный, шикарный. И пришивали мы его вручную, выверяя каждый стежок и старательно скрывая прежние огрехи.

Когда все было готово, была глубокая ночь.

Пальцы наши были исколоты, кое-где обожжены горячим утюгом, но платье, роскошное платье с шикарным вырезом, с глубоким декольте, которого еще не видел мир, было готово.

Воротник, словно сотканное из снежинок покрывало, лежал на плечах. Пуговицы поблескивали аметистовыми искрами.

— Словно припорошенный снегом цветок гладиолуса! — прошептала Герти.

— Ну, думаю, теперь-то мы точно спасены! — с ликованием выкрикнула девчонка.

Загасив все свечи, сонно потирая покрасневшие глаза, мы завалились спать тут же, на полу, у нашего спасенного шедевра. Отдых мы уж точно заслужили.

А поутру сначала примчалась швея, а затем и заказчица.

Швея явилась на место преступления, так сказать, добровольно. Предпочла не утруждать мастера Тили поисками и погонями. Он ведь все равно поймает. Только уже не просто за ногу подвесит, а придумает что-нибудь повеселее.

Так что его лучше не злить.

Швея точно всю ночь пила от отчаяния.

Глаза у нее были красные, неприбранные волосы торчали дыбом. Лицо белое, как мел. И платье все в винных пятнах.

Увидев наше платье, она сначала грохнулась на пол, перебудив нас. И с добрую минуту сидела, вытаращив глаза. Потому что совершенно не верила, что шедевр Герти можно как-то исправить.

— Мадам, мадам, с вами все в порядке? — засуетились вокруг нее девчонка с Герти.

Она подхватили ее подмышки, подняли. Но ноги ее отказывались держать, и женщины усадили бедняжку на табурет.

— Это какое-то колдовство? — все время повторяла она.

Герти сунула ей свою баклажку, и швея хлебнула из нее добрый плоток.

Краска вернулась на ее щеки, глаза сделались более осмысленными.

— Как тебе удалось?! — пробормотала она, потрясенная, наконец.

— Я предпочту не раскрывать своих секретов, — ответила я.

Ага. И места захоронения сотни швов тоже.

— Мадам, приведите себя в порядок! — шипела суфлерски девчонка. — Скоро заказчица явится!

В этот миг за витриной потемнело, словно туча грозовая набежала. И я кожей почувствовала присутствие Эдмона Тили.

Даже дыхание перехватило от близкой опасности... и волнения.

Я снова его увижу.

Снова смогу сказать ему хоть слово.

Снова...

«Да что за глупость! — тут же рассердилась я на себя. — Все его бояться, и никто, совершенно никто не ищет с им встречи! А я как сумасшедшая, о нем думаю!»

Тиль вошел в мастерскую, словно дракон вполз в логово.

Клянусь — и швея, и ее помощницы в страхе отпрянули от него и едва не прижались к стенам.

Вслед за ним зашла и заказчица, графиня.

Высокая, стройная светловолосая женщина.

Ее льняного цвета волосы были сплетены в косу. Лицо тонкое и нервное, стервозное — это сразу видно.

«Держу пари, если ей волосы распустить, а на глаз пристроить повязку, — размышляла я, — то она будет вылитый Тиль. Они... родственники? И мастер Тиль, получается, граф?»

Но все эти вопросы я оставила при себе, хотя меня так и подмывало их задать.

Графиня была действительно немолода. Кто она ему, тетушка? Сестра?

Скорее всего, старшая сестра. Уж больно похожи. Словно слеплены из одного теста и выпекались в одной печи.

Бравому Тилю, наверное, было лет тридцать? Он был в полном расцвете сил.

А графиня была старше него лет на десять. И, наверное, здоровья была не крепкого. Уже начала увядать.

Грудь ее, за которую мы так переживали, наверное, никогда б не выскользнула из декольте.

Главным образом потому, что уныло смотрела вниз.

Манекен сильно льстил графине. Как и тот, кто его смастерил.

— Эдмон, ты посмотри, какая прелесть! — завопила графиня, увидев свое платье. — Это невероятно! Это даже больше, чем я ожидала! У этих мастериц руки из чистого золота!

Видно, не такая уж она и стерва, эта графиня...

Она все ахала, обходя платье кругом, а Тиль уничтожающе смотрел на него. Будто оно являлось средоточием порока и зла.

— Очень... мило, — только и смог выдать он. А у самого физиономия такая, будто вот-вот накинется на платье и издерет его в клочки!

— Ах, а это что?

Внимание графини сосредоточилось на нашем воротнике, и мы даже дышать перестали.

— Пуговицы? Зачем тут пуговицы?

— Это, ваша милость, затем, чтобы можно было расстегнуть, — поспешно сунулась швея, — если вам вдруг будем жарко!

— Гхм, — угрожающе произнес Тиль.

Все вытянулись по струнке. Швея сделала маленький шаг к платью и дрожащей рукой колупнула пуговку.

Пуговица расстегнулась, и тяжелый ворот потянул вниз.

От этого оголились плечи, стал глубже вырез.

Вторая пуговица — и платье раскрылось, как раскрываются цветы.

Третья — и вид был просто ослепительный. Тот самый порочный и недопустимый.

Графиня даже дышать перестала.

— Теперь-то эта шлюшка, эта рыжая подстилка Красивого Барона будет поставлена на место! — только и смогла произнести она. — Мой ювелир украсит этот шедевр самыми красивыми аметистами, серебром и золотом, и эта паршивка будет посрамлена!

Тиль усмехнулся.

— Не слишком ли много возни ради того, чтобы поставить на место какую-то безывестную потаскушку? — высокомерно, с ухмылкой, произнес он.

Графиня в ярости обернулась к нему.

Чисто кобра, готовая атаковать!

— Не слишком! — рыкнула она. — В самый раз! Эта мерзавка осмелилась заявить мне, что мы ровня! Ну, или станем ею, когда она выйдет замуж за Красивого Барона! Да только она не станет мне ровней никогда, неумытая деревенщина... Даже если выйдет замуж за короля!

Услыхав о моем муже, Тиль вдруг обернулся ко мне и уставился пристально одним глазом.

На его красивых губах играла неприятная такая ухмылочка.

Такая, издевательская, что ли.

И я, всей душой жаждавшая этой встречи, тотчас пожалела о его внимании к моей персоне.

«Глупая клуша! — ругала я себя. От стыда под его взглядом у меня горели щеки. — Кто же жаждет встречи со своим палачом? Думала, он проявит сострадание, внимание, участие?»

— Насколько мне известно, — небрежно заметил он, — Красивый Барон все еще женат, и жена его здравствует. Поэтому вряд ли он женится в ближайшее время. Если же женится...

Тут Тиль нехорошо, вкрадчиво, плотоядно усмехнулся, показывая красивые ровные зубы. И даже облизнулся, словно чуя вкус крови.

Мороз по коже от этого человека!

Его глаз горел, как сапфир.

И он смотрел прямо на меня, словно изучая мою реакцию и наслаждаясь моим страхом и трепетом...

— Вот и отлично! — отозвалась графиня. — Вот и замечательно! Пусть женится на этой корове! Она недолго будет задирать нос! Ты ведь отрубишь ей голову?

— Несомненно, — протянул Тиль. — Им обоим. Ему за двоеженство, ей за компанию.

Его голос был вкрадчивым, и у меня дыхание перехватывало от страха, когда он смотрел вот так.

— А кто это тут у нас? — вдруг произнес он, обращаясь ко мне. — Бездомная бродяжка? Что это ты тут делаешь?

Тут страх мой сменился гневом.

Да я чуть не лопнула со злости!

Бродяжка?!

Он же знает, кто я! Наверняка и справки навел, раз с такой готовностью собирается головы рубить мужу и его любовнице!

Но я проглотила свою злость и смирно опустила глаза.

Хотя чувствовала, как он посмеивается надо мной.

Мой бессильный гнев его забавлял.

«Вот ты какой, мастер Тиль, — с неприязнью подумала я. — Любишь издеваться над слабыми? Наверное, и лягушек в детстве надувал через соломинку, блондинчик? Маленький извращенец...»

— Ищу работу и кров над головой, ваша милость, — смиренно ответила я. — Как вы и велели.

— И что же? — весело произнес Тиль. — Нашла?

— О, да, да! — с жаром вступилась за меня швея. Смекнула, что Тиль может меня уволить и бросить в каталажку. А мой талант и умения в ее мастерской ой как пригодятся! — Она принята на работу еще вчера вечером! И всю ночь она работала над платьем ее светлости!

— Пуговицы пришивала? — издевательски уточнил Тиль.

Я спрятала за спину руки, обожженные утюгом, и крепко стиснула пальцы, чтоб не влить ему пощечину, как он того заслуживал!

— Да, мастер Тиль, — тихо ответила я.

Губы мои пересохла от волнения.

Чего он ко мне цепляется? Так хочет меня казнить, чтоб развлечься?

Просто пугает, с наслаждением принюхиваясь к запаху моего пота, выступившего на лбу? Любит запах страха?

Порочный, злобный человечешко...

— А с жильем как? — спросил он. Не отцепится никак, мерзавец!

— А она будет жить тут, при мастерской! — тут же защебетала швея. — В дальней комнате! И сторожить мастерскую будет, и работать.

Тиль задрал подбородок, словно натолкнувшись на невидимую стену, что разделяла его с жертвой.

Как драконище, который спешил сожрать, и внезапно отдернутый назад за ошейник.

— Рад это слышать, — высокомерно процедил он, поглядывая на меня свысока. — Смотри же, Оливия. Я буду приглядывать за тобой. Мне в городе не нужны бродяжки и попрошайки.

Попрошайки?! Я что, у тебя что-то просила, надутый индюк?! Не дожدهшься!

Но вслух я ничего не сказала.

Только присела в почтительном реверансе, не поднимая глаз.

— Хорошо, мастер Тиль, — смиренно отозвалась я.

И он, кратко кивнув головой, отошел.

Фух, как смерть отступила!

Как грозовая туча открыла солнце!

И только потом я сообразила, что он назвал меня по имени!

Оливия!

Это было имя жены Красивого Барона!

Значит, Тиль точно справки наводил! Может, даже к мужу заезжал?

Воображаю, что этот откормленный кабанчик ему наплел про меня!

С другой стороны, зачем такой человек, как мастер Тиль, ездил к Барону? Это не тот гость, которому все рады. Хочет Барона вздернуть вместе с любовницей, отомстив за сестру?

Кто знает.

Я ни о чем не стала спрашивать. Даже думать себе запретила про этого человека и его поступки.

Даже дышать в его сторону не смела.

Пусть скорее уходит. Главное, что я цела и невредима. И теперь у него нет причин к мне цепляться!

Глава 4. Новая обитель

Графиня, разумеется, не утерпела и платье примерила.

Швея и Герти помогли ей облачиться, аккуратно застегнули все пуговики и крючки, расправили юбки, поправили кружева.

И оказалось, что платье село идеально. А наши ухищрения с насборенным лифом и воротником добавили плоской груди графини дополнительного объема.

Графиня даже похорошела. И суровый Тиль сменил гнев на милость.

Увидев сестрицу в новом платье, он от неожиданности крикнул. Его единственный глаз смотрел теперь теплее, и улыбка сделалась мягче.

А графиня была просто вне себя о счастья.

— Это невероятно, невероятно! — щебетала она, разглядывая себя в зеркале.

Она то распускала эти пуговики, любуясь на свои обнажающиеся плечи, то снова их застегивала, принимая вид царственный и величавый.

— Тебе очень к лицу этот цвет, — буркнул и капитан, наблюдая за сестрой.

В конце концов, накрутившись всласть перед зеркалом, она от щедрот дала швее увесистый кошель, намного больше, чем обещала, и пошла переодеваться.

— Упакуйте мое новое платье! — велела она из-за ширмы. — Чтоб ни одно пятнышко, ни одна капля дождя его не испортила!

— Как прикажете! — часто-часто кланялась швея.

Одноглазый капитан Тиль тоже остался доволен.

Он изволил милостиво на нас глянуть и... неожиданно звонким щелчком кинул мне серебряный!

Я машинально поймала его на лету и зажала меж ладоней.

А Тиль глянул мне прямо в глаза, снова улыбнулся.

Его явно забавляло то, что он играет со мной, как кот с мышью.

— Удачи тебе, бродяжка, — сказал он напоследок, прежде чем вышел из лавки.

После того, как дверь за ним закрылась, у всех вырвался вздох облегчения.

— Дурной он человек, — произнесла швея вполголоса. — Жестокое у него сердце, если вообще оно есть. Ты, девица, смотри, не попадайся ему лишний раз на глаза. Он, знаешь, улыбается-улыбается, а потом раз! И ты уже дрыгаешь ногами на виселице.

Я крепко зажала в ладони серебро, что дал мне Тиль.

Оно все еще хранило тепло его рук...

— Да откуда там добру взяться-то, — проворчала из угла Герти. — Все семейство еще те звери... От бешеного волк не родится кроткий агнец!

— Отчего он слеп на один глаз? — вдруг спросила я.

— Да папаша же его, Дурной Граф, — неохотно ответила хозяйка ателье вполголоса, собирая лоскутки и обрезки ниток, — с какого-то перепуга решил, что это не его сын. Хотя порода-то видна, в карман ее не спрячешь!

— Это верно, — согласилась я. — И что же?

— Он велел юному Тиллю пройти какое-то испытание, сколь рискованное, столь и глупое. Мол, только моему сыну по плечу такое. Старый тщеславный гордец... или просто хладнокровный убийца, пославший на смерть родного сына.

— Но зачем? — изумилась я.

— Боялся подрастающего отпрыска, — подсказала Герти из своего угла.

— Не желал передавать ему корону графа! — выкрикнула девчонка. Оказывается, она тоже подслушивает наш разговор. — Тиль в двадцать один год должен был стать главой семьи, а старый граф хотел сам возглавлять клан!

На нее все зашикали — тише, тише! Чего орешь?!

И она примолкла и спряталась за стол, заваленный свертками тканей.

— А что это было за испытание? — поинтересовалась я.

— В народе много чего болтают, — нехотя ответила швея. — Только ничего конкретного никто не знает. Может, его бросили с уголовниками-головорезами в одну яму. Или посадили в пещеру с дикими зверями. Но это было жестоко... и совсем ненужно.

— И что же? Тиль его прошел, это испытание?

— Разумеется, — вздохнула швея. — Вероятно, в словах старого черта-батюшки была доля правды. Только его отпрыск мог зубами выгрызть свою жизнь у опасных и жестоких существ.

— Ну, зубы-то как раз у него все целые, — заметила я, припоминая улыбку Тилиа.

Чарующую и опасную одновременно. Гипнотизирующую до дурноты, до тумана перед глазами.

— Это потому, что они крепче всех прочих! — снова не выдержала девчонка. — Драконы зубной болью не страдают!

— Лили! Несносная девчонка! — выругалась швея. — Тише, тише! Ни к чему так орать! Ты хочешь, чтоб кто-нибудь пронюхал, о чем мы тут болтаем?!

Лили снова притихла, а швея вернулась к своему рассказу.

— В общем, мастер Тиль там потерял глаз. Говорят, тому, кто повредил ему лицо, Тиль вырезал сердце, — женщина зябко передернула плечами.

А я-то думала, он недавно ослеплен!

— И что ж отец? Признал его?

— Этот старый злобный черт? — усмехнулась швея. — Нет, конечно. Не для того он посылал сынка на верную смерть. Когда тот вернулся с черной повязкой на глазу, папаша тотчас объявил, что у его детей не должно быть изъянов. И калеки ему в доме не нужны.

— Ну и скотина же он! — возмутилась Герти.

Эту историю она наверняка слышала не раз.

Но, наверное, каждый раз слушала ее, раскрыв рот.

— Какая жестокость, — поразилась я. — И что же Тиль? Он мог бы пойти к королю и оспорить отцовское решение.

Все трое моих собеседниц расхохотались.

— Кого и когда защитил король, — отсмеявшись, произнесла швея. Что странно — о короле она говорила смелее и с пренебрежением. Чего говорить в адрес Тилиа она себе не позволяла. — Жаловаться-то можно, но где гарантия, что у короля не найдется еще более глубокой ямы с человеческими отребьями, чем у папаша Тилиа?

— Запросто нашлась бы, — поддакнула Герти, намекая на очередное бессмысленное и смертельно опасное испытание на потеху публике.

— И что же?.. И как он?.. — пролепетала я.

Вот почему Тиль мне посоветовал не жаловаться.

Ему-то было виднее, как ведут себя сильные мирра сего, когда у них о чем-либо просишь!

— Да никак, — грубо ответила Герти. — Взял папашу, да и намотал его кишки на шпиле башни.

Я только ахнула в ужасе.

— Жестокость порождает жестокость, — заметила швея. В отличие от меня, она была привычна к невероятной жестокости этой истории.

— Но Тилю это не сошло с рук! — подхватила Герти. Видно, история подходила к самому любимому ее месту.

— Не сошло?! — удивилась я.

— Его посадили за убийство старого графа в тюрьму, в самую высокую башню, — весело ответила Герти. — Три года он ждал виселицы. Но госпожа графиня — ты видела ее вот только что, — вызволила непутевого братца. Конечно, титула ему не оставили. Но пусть скажет спасибо за жизнь! Но, кажется, его рот не умеет говорить слов благодарности. Только изрыгать ругательства. А за свирепость и мерзкий нрав его взяли в охранники города. Никто ведь, кроме него, лучше не умеет умирять всякий сброд!

— Какая грустная история, — пробормотала я.

— А чего грустить, чего жалеть, — пропыхтела швея. Она насобираала целую корзину мусора, и теперь собиралась сжечь это в печи. — Он занимается теперь тем, что лучше всего умеет. Всяк на своем месте хорош. Ну, поднимайся! Пойдем, приведем в порядок твою комнату. Надо ж тебе где-то жить.

Хозяйка душой явно не была.

Это я поняла сразу, как та получила денежки и спровадила заказчицу. Она сразу обрела уверенность. Отчаяние, которое я вчера видела в ее глазах, испарилось. В ней не было и намека на страх. В чертах ее лица появилась какая-то надменная самоуверенность.

И мне стало стыдно и смешно за свою наивность.

Я-то ее пожалела, когда взялась исправлять испорченное платье.

А она, стоило отступить беде, никого жалеть не спешила.

Несмотря на мою помощь в спасении платья и радушие, с которым хозяйка ателье меня приняла в свой дружный коллектив, раскошелиться она не спешила.

Графиня дала ей кошелек более чем увесистый. Полный серебра, не меди.

Из этого кошелька Герти получила два серебряных, Лили — один.

Мне досталось три.

Более чем скромное вознаграждение за срочность и сложность работы.

А как рыдала, что не хочет висеть вниз головой на площади!..

Остальное хозяйка забрала себе. И вид у нее был предовольный.

— Ну, за работу! — прикрикнула она на своих помощниц. — Одежда сама собой не пошьется!

Она очень спешила к себе, припрятать денежки.

Жила швея наверху, на втором этаже, над мастерской.

Герти и Лили спали в каморке, рядом с ателье.

И такую же каморку, заваленную всяким хламом, хозяйка отвела и мне.

— Приберешься тут, — пыхтела она, с трудом проворачивая ключ в заржавевшей замочной скважине, — а потом поможешь шить...

Но легко сказать — приберешься!

Очутившись на пороге своей новой обители, я поняла, что работы тут мне до самого вечера.

— Немного пыльно, — болтала хозяйка, — ну, и кое-что лишнее... Ты ведь сможешь вынести этот хлам, ведь так?

— Думаю, что смогу, — нерешительно пробормотала я. А что мне оставалось делать?

— Вот и чудно! — обрадованно воскликнула хозяйка, передавая мне ключ от замка. — Тут даже печь есть. Тепло тебе будет! Но если вздумаешь топить — уголь и дрова сама себе покупай. И у меня брать не смей.

Отлично... Я должна еще и обогревать ее мастерскую за свой счет? А хозяйка не так проста, как мне показалось изначально!

— Ну давай, управляйся скорее! — нетерпеливо велела швея.

И поспешила к себе — спрятать деньги.

Герти подскочила, хотела было мне помочь. Но хозяйка ее строго, даже зло, одернула.

— Поболтать вздумала, кумушка? А работать кто будет? Хлеб сам в рот не прыгнет! — крикнула она. Герти поникла и вернулась на свое место. Взялась за иглу.

— Чтоб пять передников было готово к завтрашнему дню, и пара юбок! Лили — твое дело пуговицы пришить ко всему готовому платью! И попробуй только перепутать, куда какую! Если вам удалось выкрутиться, это не значит, что я простила вашу оплошность и позволю вам бездельничать! По-хорошему, тебе, Герти, полагается палка, а не жалование! Это я, глупая добрая душа, совесть имею, и не штрафую тебя, чтоб ты ноги с голода не протянула!

Глупая и добрая душа!

Герти, конечно, виновата крепко, с этим платьем она натворила дел.

Но ведь она же сшила великолепную юбку, и рукава...

И получила от огромной выручки сущие гроши!

Гхм, а тут не рай... Но на первое время хоть что-то.

...В комнате, помимо ненужных обломков, была небольшая, узкая постель, дощатая, грубо сколоченная лежанка. Какие-то старые корзинки со сломанными ручками, худые ведра.

Под окном колченогий рабочий стол и пара сломанных табуретов.

Крохотная печка в уголке и... старый манекен, заваленный каким-то мусором, обрывками тканей, гнилыми досками. Манекен был почему-то мужской, с солидным животиком.

С кого снимали мерки, и почему хозяйка хранила его — непонятно.

— Метлу возьми за дверь! — крикнула мне Герти. — И ведро с совком там же. Я бы помогла тебе, но мадам больно не любит, если я даром время трачу...

— Пока мадам считает деньги, — вкрадчиво проговорила Лили, — ты б сходила на рынок, Оливия. Купила бы себе поесть! Когда спустится, она покоя тебе не даст. Будет стоять над душой, подгонять, чтоб ты работала скорее! Да и потом поесть тебе удастся разве что глубокой ночью. С ног свалишься от усталости и голода!

— Хорошо, — пробормотала я.

— Накинь мой плащ, — разрешила великодушная Герти. — Твой-то уж больно хлипкий. И дверь смотри, не стучи. Тихо иди.

В общем, я выбрала более-менее целую корзинку и тихонько выбралась из мастерской.

Очутившись на улице, я со всех ног кинулась искать себе обед.

Перекусила быстро, пирогом с рыбой. Но это сейчас. А потом что есть буду? А завтра поутру? Я все еще слаба и больна. Мне бы не пироги трескать, а попить крепкого наваристого бульона.

Припомнив о печке в своей комнате, решительно направилась к торговкам овощами.

От них уже отошла с тяжелой корзинкой, полной картофеля, моркови, зелени и капусты.

В другом торговом ряду купила новенький небольшой котелок, соль и кусочек мяса.

Совсем крохотный, небольшую мозговую косточку.

Но все же это было теперь мое.

Глубоким вечером, когда хозяйка отправится на покой, я сварю себе похлебки и поем как следует. Силы мне нужны.

Обернуться я успела как раз до хозяйкиного прихода.

Только я припрятала свои запасы и взялась за веник, как та явилась и сразу скорчила недовольную физиономию.

— Однако, работаешь ты не слишком быстро! — произнесла она. — Работница так себе...

— Я нанималась шить, а не полы мыть, — как можно спокойнее, но твердо, произнесла я.

Герти и Лили так и замерли над своим шитьем с открытыми ртами.

Такой смелости они сроду не видывали!

— Еще и с гонором, — недовольно протянула хозяйка ателье. — Я ведь могу и передумать. И выгнать тебя. Я не люблю строптивых.

— Что ж, ваше право, — спокойно ответила я и отставила веник. — Пойду тогда устройюсь в другую мастерскую. К вашим конкурентам, через площадь. Интересно, много ль найдется швей, которые так же, как и я, могут исправить самое непоправимое платье?..

Хозяйка нервно покрутила носом.

— Стой! — резко выкрикнула она. — Не уходи!

Она заглянула в захлавленную комнату и снова недовольно поморщилась.

— Ладно, — проворчала она. — Разгребай тут все... Только завтра чтоб к шитью приступила!

— Очень постараюсь, — ответила я спокойно.

Итак, у меня был целый день, чтоб привести в порядок комнату, и никто меня не беспокоил.

Для начала я разобрала мусор.

Все негодные, гнилые обрывки, обломки, битую посуду я сгребла мешок и вынесла его прочь, на свалку.

Переломанные, высушенные до невесомости доски я оставила.

Перебрала, выдернула из них ржавые, гнилые гвозди и поставила в уголок. К вечеру становится сыро и холодно. Значит, доски можно пустить на растопку.

Сегодня мне будет тепло!

Из пары сломанных табуретов кое-как склотила один. Прибила к крепкому сидению недостающие ножки. Остальное — рассохшееся сидение и одну ножку, — в топку.

Я долго сметала пыль отовсюду. Вытряхивала ее из дома, пожалуй, с десятков раз.

Затем, когда весь крупный мусор был собран, приступила к мытью.

Отдраила серое мутное окно над столом, и в комнатке сразу стало светлее.

Отмыла рабочий стол. Оттерла его кривые, разной длины ножки, и он заблестел.

Оказался старинным, лакированным, из темного благородного дерева. Одна ножка только была неудачно заменена на палку. Что ж, подложим под нее что-нибудь, и стол перестанет хромать!

Я драила, драила и драила комнату. Смывала серые пыльные разводы со стен и пола. Оттирала побелку.

Выносила и выливала грязную воду.

Терла тряпкой с песком половицы. Снова лила воду и смывала грязь, пока дерево не заиграло природным цветом.

И скоро душный пыльный ад стал пахнуть свежестью, водой и мокрым деревом.

Стены и пол посветлели, темнота перестала давить на плечи.

На полу не осталось ни соринки. А я стала счастливой обладательницей самой чистенькой и уютной комнатки на свете.

Ох, ох, как я устала сегодня!

В изнеможении опустилась на свою узкую деревянную кровать.

По вискам у меня тек пот, от слабости все плыло перед глазами. Но я была почти счастлива.

Все-таки, первую битву у злодейки-судьбы я выиграла! Есть и работа, и жилье. И от голода я тоже не умру.

За работой не заметила, как стемнело. Кажется, задремала ненадолго, умаявшись.

А разбудил меня звук колокольчика над дверями, до зазвучавшие бодрее голоса Герти и Лили.

Хозяйка наконец-то ушла отдыхать.

А ее помощницы, весь день просидевшие над шитьем, теперь отодвигали работу и разминали затекшие ноги, потирали уставшие поясницы.

— Ну, как ты там, обустроилась? — спросила Герти, заглядывая ко мне. — А то шебаршила весь день, как мышь, а теперь затихла.

— Ух ты! — воскликнула Лили, протиснувшись у нее под рукой и восторженно разглядывая мою чистенькую комнатку. — Как бы хозяйка не захотела ее сдавать! Тут так чисто и здорово!

— Не захочет, — отрезала я. — Есть хотите?

— Да, было б неплохо, — солидно ответила Герти, с готовностью поглаживая живот.

— Принесите воды, да побольше, — велела я ей, вручив новенький котелок, — и я угощу вас мясной похлебкой. Ложки-то тут есть?

Герти лишь кивнула.

А Лили даже взвизгнула от радости.

— Прямо мясной?!

Я красноречиво продемонстрировала ей мозговую косточку.

— Живее!

Пока они бегали за водой, я растопила печку старыми досками. Они были такие сухие, что вспыхнули как бумага.

Печка была исправна, к тому же я хорошо ее вычистила. Так что от нее скоро пошло тепло.

Я распахнула свою дверь, чтоб тепло выходило из крохотного помещения. И скоро в мастерской стало не так зябко.

Прибежали Герти и Лили с водой. И почти сразу же ливанул холодный и злой октябрьский дождь, забарабанив в стекла.

Девушки вернулись, закрыли витрину и заперли двери. Дождь накрыл их и промочил чуть не насквозь. Но они не больно-то расстроились.

У нас было очень тепло и уютно, как только может быть уютно в крохотном помещении. Дверца печки была обведена золотой каемкой, в трубе гудело.

Девушки уселись чистить картошку прямо на пол, перед печкой. Они сушили свои намоченные юбки и болтали, тихонько смеялись и то и дело толкали друг друга плечами.

А я приступила к готовке.

Мясо я как следует промыла в котелке, после чего налила туда свежей и поставила косточку вариться.

Герти варварски разломала останки табурета и подкинула еще дровишек.

— Хоть согреемся сегодня, — проворчала она, протягивая к огню мокрые ладони. — А то с каждым днем в мастерской все более сыро и холодно.

— И согреемся, и поедим, — сказала я, нарезаю капустные листья крупными квадратами. — Давно вы тут работаете?

— Да уж давненько, — ответила Герти, нарезаю картошку кусками.

Из котелка брызнула на огонь пена, и я сняла я него крышку.

— О, как вкусно пахнет! — вскричала Лили.

В кипящий бульон, к мозговой косточке, я кинула нарезанную капусту, покрошенную соломкой морковь.

Туда же отправились душистые травы, щепотка соли.

— Готова у тебя картошка, Герти? — деловито спросила я.

— Да уж, — ответила Герти.

— Тогда давай ее в суп. Она свежая, долго ей вариться не надо!

Ссыпав картофель в варево, я хорошенько помешала суп и большой деревянной ложкой Герти зачерпнула на пробу на соль.

— Мне, мне! — крикнула Лили. — Я страсть как люблю пробовать!

Она пригубила пахнувший обварившейся капустой бульон и расплылась в улыбке:

— Вкусно!

Пока суп варился, мы собрали на стол.

Лили сбегала в свою каморку и притащила кусок хлеба, Герти отыскала три миски.

Косточку я выловила из бульона и, обрезав с нее мясо, отложила в сторонку, остывать. Мясо кинула в суп и как следует перемешала, чтоб досталось каждой хотя б по кусочку.

Лили поглядывала на нее, облизываясь. Видно, хотела вытрясти из нее сварившийся мозг.

Похлебка вышла наваристой и густой.

На поверхности супа плавали кружки желтого светлого прозрачного жира, капустные листья сварились до прозрачности, и картофель рассыпался и блестел, как сахар.

— А я уж думала, что сегодня мы с Лили поужинаем всухомятку, — пробормотала Герти, пригнувшись к пару, поднимающемуся над котелком.

— Сухомятка будет завтра! — весело вскричала Лили. — Мы ведь не каждый день сможем так шикарно ужинать?

— Вообще-то, хотелось бы каждый день, — ответила я, наполняя тарелки.

— У-у-у! — протянула Герти. — У мадам не забалуешь. Я бы рада каждый день есть наваристый бульон, это полезно для здоровья. Но она платит только чтоб мы с голоду ноги не протянули. Так что ты не трать то, что у тебя есть, так бездумно. Разок пошиковали — и хватит. Береги на черный день.

— Вот как?

— Мадам не плохая, — поспешила уверить меня Лили. — Просто Герти, если ей платить много, начинает выпивать. А это плохо.

Герти сердито зыркнула на подружку, шумно двинула к себе миску с горячим дымящимся супом и вцепилась зубами в хлеб.

— Как будто она платила иначе, когда я не пила! — проворчала Герти.

Она шумно, торопливо, обжигаясь, хлебнула бульона и чуть не взвыла то удовольствия.

Похоже, эти две девушки были голодны и слабы не меньше меня...

— Герти, ты ведь великолепная швея, — доверительно произнесла я, уписывая суп за обе щеки.

Герти что-то промышчала, довольная моим комплиментом. Но внятно ответит не могла.

Она жадно пожирала немудреную похлебку.

— Твое решение — это просто и гениально, — продолжила я. — И графине к лицу.

— А как иначе, — проворчала Герти. — У нее груди нет, а ей хотелось, чтоб та была! Я всю голову сломала, чтоб придумать, как ее... изобразить.

— Ты дизайнер! — произнесла я, посмеиваясь.

— Это чего такое? — удивилась Герти.

— Это человек, который выдумывает новые модели одежды, — пояснила я.

— Чего? — все равно не поняла Герти.

— Выдумываешь новое, — сжалась я над ней. Незачем забивать ее голову неизвестными ей словами.

— А-а-а, — поняла Герти. — Это я люблю.

— Часто вам делают такие заказы?

— Не-е-е, — протянула Герти, помотав головой. — Вовсе нет.

— Но случается? И ты тогда выдумываешь что-то интересное?

— Обычно мадам берется шить сама.

— Но у нее не выходит поразить клиентку?

Лили и Герти закивали.

— Клиенты пошли капризные, — солидно произнесла Лили.

Наверное, повторяет слова хозяйки.

— И на машинке она не учит тебя шить?

— Она ревнует, когда трогают ее машинку, — серьезно объяснила Лили. — Ужасно сердится. В этот раз она ничего не сказала, потому что ей было все равно, лишь бы не попас на виселицу. Да и не разглядела она толком, как мы сшили. Но в следующий раз лучше ее машинку не трогать.

— Но шить на машинке было б быстрее, — поразилась я. — Намного! Вы делали б работу аккуратнее. Да и больше!

— И болтались бы без дела, — мрачно ответила Герти. — Думаешь, заказов много? Вовсе нет. Я понимаю, эти фартуки, что велела шить хозяйка, ты б прострочила в два часа. А потом что?

— Хозяйка думает, что если мы не работаем, значит, ленимся и предаемся порокам! — сообщила Лили, осторожно придвигая себе тарелку с косточкой. — Можно, я е съем?

Я лишь рассеянно кивнула и задумалась.

Ну и дела!

Конечно, это ее ателье, и она устанавливает здесь порядки.

Но шить по ее прихоти на руках?

Когда есть машинка?

Дикость какая-то.

Ревность хозяйки можно было б объяснить еще тем, что машинка наверняка стоила дорого.

Как небольшой такой дом.

Все ж сложный механизм! И починка машинки стоила наверняка тоже немало.

«Значит, надо накопить на свою машинку, — решила я. — Другого выхода нет!»

Глава 5. Новый заказ и модный приговор

Мысль о машинке не покидала меня всю следующую неделю.

Пальцы на пошиве несложных предметов гардероба я поколола себе прилично. Мадам только посмеивалась над моими мучениями, и потирала ручки. Шила я не хуже Герти, быстро и аккуратно.

Значит, будет хорошая прибыль.

А машинка хозяйки стояла без дела, под замком, прикрытая деревянным чехлом.

Сама же хозяйка в работе участия не принимала.

Полученная плата за чудо-платье так вскружила ей голову, что она день и ночь пропадала в городе.

Возвращалась поздно вечером. Либо навеселе, либо с новыми покупками.

И сил у нее хватало лишь затем, чтобы проверить, готовы ли штаны и жилеты, что она велела нам пошить.

Но все же без ее надзора нам было намного свободнее и спокойнее.

Мы тихонько шили себе втроем, болтая и особо не утруждаясь.

По вечерам варили немудреные супы, сложившись своими медяками и наедались вдоволь. И силы потихоньку возвращались ко мне. Я уже не спала на ходу, меня не качало из стороны в сторону, когда я ходила.

Да и девушки тоже немного отъелись. Щеки их немного порозовели.

— Это счастье не на долго, — однако, говорила Лили. — Пока она не промотает ровно половину. Скупит всякого ненужного добра, ложки серебряные, или, там, вилки. Стащит к себе в комнату, запрет. А потом снова явится сюда.

— Злая, как собака, — сердито подхватила Герти. — И будет нас гонять. Как будто мы виноваты, что ее денежки так быстро кончились. Ну, вот зачем ей серебряный кофейник, скажите мне на милость?!

Я же с тоской думала только о том, где б взять денег на свою швейную машинку.

Пара-тройка серебряных жалования в месяц — это мало. Ничтожно мало.

С этих денег не отложишь ничего.

А машинка стоила пять!

Я узнавала.

Пользуясь отсутствием хозяйки, я обошла все мастерские и нашла то, что мне нужно.

Мне даже разрешили попробовать ее в деле.

Я тронула колесо, и машинка застрекотала, как кузнечик.

Это была определенно моя машинка. Моя вещь.

Она ждала меня!

Казалось, она даже ластилась ко мне, как котенок.

Купить сейчас?

У меня ведь были деньги, которые дал мне странный ювелир.

Даже золотой имелся.

О нем я вспомнила, в очередной раз перебирая странные камешки, что достались мне за пяточок.

Но впереди была зима. Холодно и голодно.

Герти говорила, что зимой заказов намного меньше. Так что хозяйка может начать... не платить.

Уйти к другим хозяевам? Да кто ж сказал, что они окажется милосерднее и щедрее мадам!

А хозяин ателье мог бы вообще начать приставать и домогаться. В моем положении это было б совсем ни к чему. Не дай бог, изнасилует, и я забеременею. Он и выгонит меня с младенцем. А это верная смерть!

Так что лучше сидеть там, где сидится сейчас.

А жить-то как-то надо.

Зимой придется покупать хворост и дрова для печи, или я замерзну насмерть в своей каморке.

А еще есть что-то надо. И, конечно, купить одежду на зиму.

В общем, я теперь боялась тратить деньги.

Вечером, задувая свечи и ложась спать, я доставала из кармана юбки коробочку с разноцветными камешками и вертела их, любуясь переливами граней.

Один камень, лавандовый, цвета платья графини, теперь казался мне бледным и холодным. Как будто погас. Или из теплого стекла обратился в огромный ледяной бриллиант.

Но такого ведь быть не может, не так ли?

Зато синий будто б налился жизнью и силой.

Даже немного теплым был. Наверное, это от тепла моих рук?

Я вертела его и так, и этак, мечтая о лучших временах.

«Купи машинку, купи!» — будто нашептывал мне синий камень.

А я думала, что купила б непременно, если б...

Если б был снова такой заказ, как у графини. Срочно, дорого и богато.

И если б я вела этот заказ сама. И плату если б получила сама.

Мадам пусть сорит деньгами по лавкам и кабакам.

А я б работала, и заработала б золотом! Вот тогда можно было б купить не только машинку, но и крошечный домик.

И открыть свое дело!

«И Герти переманить к себе, — сонно мечтала я, поглаживая камешек. — Лили сама прибежит вслед за ней, вприпрыжку. Уж я б их не морила голодом...»

Странное дело!

Утром все камни оказались на месте, в коробочке.

А сама коробочка глубоко в кармане юбки. Будто я, сонная, встала и сама положила их на место.

Хотя я совершенно не помнила, чтоб так делала.

Ну, а к полудню подоспел и заказ, о котором я так просила и мечтала...

Молоденькая заказчица, ворвавшаяся в нашу мастерскую, была, несомненно, богата.

Об этом говорили бриллианты, висящие на ней гроздьями, спереди и сзади, и вообще везде, где можно было их пристроить.

И еще она была очень толстая.

Просто и незамысловато толстая. Но не лишенная, однако, своеобразной прелести. Рубенс пришел бы от ее золотистых волос и пышных форм в восторг.

У заказчицы были белые, чуть тронутые нежным румянцем щеки, крохотный нос и остренький подбородок, плавно переходящий в мощную шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.